

Александр Островский

Бешеные деньги

Часть сборника
Бешеные деньги (сборник)

Александр Островский

Бешеные деньги

«Public Domain»

1869

Островский А. Н.

Бешеные деньги / А. Н. Островский — «Public Domain», 1869

«Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной. Телятев (что-то жует). Ну да, ну да! (В сторону.) Когда он отстанет! Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица. Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! (Снимает шляпу и кланяется.) Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша – дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?...»

Содержание

Действие первое	6
Явление первое	7
Явление второе	9
Явление третье	11
Явление четвертое	13
Явление пятое	15
Явление шестое	16
Явление седьмое	18
Явление восьмое	19
Явление девятое	20
Действие второе	22
Явление первое	23
Явление второе	24
Явление третье	25
Явление четвертое	27
Явление пятое	29
Явление шестое	32
Явление седьмое	35
Явление восьмое	36
Действие третье	38
Явление первое	39
Явление второе	40
Явление третье	42
Явление четвертое	43
Явление пятое	44
Явление шестое	45
Явление седьмое	47
Явление восьмое	48
Явление девятое	49
Явление десятое	50
Явление одиннадцатое	51
Явление двенадцатое	53
Действие четвертое	55
Явление первое	56
Явление второе	57
Явление третье	58
Явление четвертое	60
Явление пятое	61
Явление шестое	62
Явление седьмое	64
Явление восьмое	65
Явление девятое	66
Явление десятое	68
Явление одиннадцатое	69
Действие пятое	71
Явление первое	72

Явление второе	73
Явление третье	75
Явление четвертое	79
Явление пятое	80
Явление шестое	82
Явление седьмое	83
Явление восьмое	86

Александр Николаевич Островский

Бешеные деньги

(Комедия в пяти действиях)

Действие первое

(Вместо пролога)

Лица:

Савва Геннадич Васильков, провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: когда же нет – вместо да; ни Боже мой! – вместо отрицания, шабёр – вместо сосед. Провинциальность заметна и в платье.

Иван Петрович Телятев, неслужащий дворянин, лет 40.

Григорий Борисович Кучумов, лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.

Егор Дмитрич Глумов.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама с важными манерами.

Лидия Юрьевна, ее дочь, 24 лет.

Андрей, слуга Чебоксаровых.

Григорий, слуга Телятева.

Николай, слуга Кучумова.

Мальчик из кофейной.

Гуляющие.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от зрителей ворота в парк, налево кофейная.

Явление первое

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев (*что-то жует*). Ну да, ну да! (*В сторону.*) Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! (*Снимает шляпу и кланяется.*) Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша – дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?

Васильков. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Телятев. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалека приехали?

Васильков. Да, не близко таки.

Телятев. Вот бы вы меня удивили, если б сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная. А что она вам нравится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в нее влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильков. Да разве ж это так трудно?

Телятев. Ну, да уж я вам скажу.

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Васильков. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом...

Телятев. Вот, видите ли, с умом, да еще с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так редки, как и миллионы. Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побочку. Ну его! Где его взять, коли Бог не дал!

Васильков. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятев. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врожденную светскость, которой уж научиться никак нельзя.

Васильков. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Телятев. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

Васильков. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Телятев. Да вам-то что же?

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужна такая жена, блестящую и с хорошим тоном.

Телятев. Ну, да мало ли что кому нужно! Что, вы богаты очень?

Васильков. Нет еще.

Телятев. Значит, надеетесь разбогатеть.

Васильков. В настоящее время...

Телятев. Да что вы все с настоящим временем!

Васильков. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Телятев. Ну, это кому как Бог даст. Это еще буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

Васильков. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риска, три лесные дачи при моем имении, что может составить тысяч пятьдесят.

Телятев. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтора ста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

Васильков. Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

Васильков. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчеты.

Телятев. Вы еще молоды, дойдете и до наших расчетов.

Васильков. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомить меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидает человека. Я как увидел ее с неделю тому назад, все о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть ее почаще. Стыдно деловому человеку увлекаться; но, что делать, я в любви еще юноша. Познакомьте, прошу вас.

Телятев. Извольте, с удовольствием.

Васильков (*крепко жмет ему руку*). Если я вам могу быть чем-нибудь полезен...

Телятев. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

Васильков. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. (*Крепко жмет Телятеву руку.*) Я, право, так вам благодарен.

Телятев. Да позвольте, позвольте руку-то! Это черт знает что!

Васильков (*оглядывается, не выпуская руки Телятева*). Кажется, они?

Телятев. Они, они.

Васильков. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вам, может быть, смешно.

Телятев. Да вы руку-то...

Васильков. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Телятев. Надейтесь.

Васильков поспешно уходит. Входит Глумов.

Явление второе

Телятев и Глумов.

Глумов. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Телятев. Это мне Бог на шапку послал за мою простоту.

Глумов. Что ж тебе за барыш?

Телятев. Шампанским поит.

Глумов. А! Это недурно.

Телятев. Я вот погляжу, погляжу на него, да, должно быть, денег у него займу.

Глумов. Это еще лучше, коли даст, разумеется.

Телятев. Думаю, что даст; я ему нужен.

Глумов. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Телятев. А вот слушай.

Глумов. Слушаю.

Телятев. Я увидел его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Глумов. На кого? не знаю. Какое диво в парке может быть.

Телятев. На Чебоксарову.

Глумов. У него губа-то не дура.

Телятев. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Глумов. Поздравляю.

Телятев. А сегодня, представь себе, увидел, что я разговаривал с Чебоксаровыми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблен в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам, – а какие у него дела, сам черт не разберет, – ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Глумов. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо женится на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему непременно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдают. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Телятев. Это уж одному Аллаху известно.

Глумов. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Телятев. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Глумов. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Телятев. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой (*показывает руками*), пол-аршина навверное. Чего там нет! Акции всякие, счета на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Глумов. Да богат он?

Телятев. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысяч на пятьдесят лесу.

Глумов. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Телятев. Он небогат или скуп; заплатил за вино и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Глумов. Не конторщик ли? А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка.

Глумов. Прост и наивен... не шулер ли?

Телятев. Не могу сказать. А вот пьет шампанское, так на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Глумов. Ну, так сибиряк, наверное сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего.

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере я... И вот с чего начинается: ты познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.

Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

Явление третье

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сытости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадич Васильков, Егор Дмитрич Глу-
мов.

Васильков (*крепко жмет руку Глумова*). Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмете.

Васильков. Извините, провинциальная привычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков (*очень учтиво*). Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почета, а Савва слово араб-
ское.

Глумов. А Савёл?

Васильков. Ну, уж напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю – казанское наречие, а вот в Крыму был, так с
трудом объяснялся.

Глумов (*в сторону*). Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Глумов (*в сторону*). Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженер-
ные сооружения.

Глумов (*в сторону*). А может быть, и не врет. (*Василькову*.) Вы нас застали, когда мы
про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а про тот, который на про-
стонародном языке законным называется.

Васильков. Хороший разговор.

Глумов. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильков. Судя по ее красоте, вероятно, многие желают того же.

Глумов. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им
нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить ее, как
мертвый капитал. Нет, красота не мертвый капитал, она должна приносить проценты. Только
дурак может жениться на Чебоксаровой без расчета; на ней должен жениться или шулер, или
человек, составляющий карьеру. У первого ее красота будет служить приманкой для неопыт-
ных юношей, у другого приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Вот вам расчет верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче
век практический.

Васильков. Позвольте, я буду с вами спорить.

Глумов. Спорьте, пожалуй.

Васильков. Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая.

Телятев. Чебоксаровы подходят.

Васильков (*быстро хватая его за руку*). Познакомьте; умоляю вас!

Телятев. Ой! (*Отдергивает руку.*) С величайшим удовольствием.

Подходят Надежда Антоновна и Лидия.

Явление четвертое

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Телятев (*Надежде Антоновне*). Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Надежда Антоновна. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятев. Ведь я даром: процентов с вас не возьму.

Надежда Антоновна. Познакомь! Да ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Телятев. Ей-богу! Ну, вот еще!.. Савва Геннадич!

Надежда Антоновна. П погоди, погоди! Что за имя!

Телятев. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна. Очень приятно.

Васильков. Искренне желал. Знакомства в Москве не имею.

Телятев. Отличный человек, по-гречески говорит. (*Отходит к Лидии.*)

Надежда Антоновна. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

Васильков. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живете?

Васильков. В деревне, а то все в разъездах.

Надежда Антоновна (*Глумову*). Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегаяю. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. (*Говорит тихо с Глумовым.*)

Васильков уходит.

Телятев (*Лидии*). Я против сырости меры принял.

Лидия. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Телятев. Я развратный человек?.. Да вы добродетельней меня не найдете. Я вам сейчас докажу.

Лидия. Докажите!

Телятев. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Лидия. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

Васильков с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним Андрей.

Васильков. Нашел, вот он здесь-с. (*Подает шаль.*)

Надежда Антоновна. Ах, как вы меня испугали! (*Надевает шаль.*) Благодарю вас, Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

Андрей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Телятев (*Василькову*). Савва Геннадич!

Лидия. Какое имя!.. Он иностранец?

Телятев. Из Чухломы.

Лидия. Какая это земля? Я не знаю. Ее нет в географии.

Телятев. Недавно открыли.

Васильков подходит.

Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел кра-
савиц, но подобных вам никогда.

Васильков. Да перестаньте же! Я конфужусь.

Лидия. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

Васильков. Когда же нет!

Лидия. Она, говорят, разошлась с мужем.

Васильков. Ни Боже мой!

Лидия. Подворотникова знаете?

Васильков. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит.

Лидия. На каком он языке говорит?

Телятев. Он очень долго был в плену у ташкентцев. (*Говорят тихо.*)

Глумов (*Надежде Антоновне*). У него прииски, самые богатые по количеству золота, из
каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна (*взглядывает на Василькова*). Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет с бурятами.

Надежда Антоновна (*ласково смотрит на Василькова*). Скажите! По наружности
никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему
золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге
на водку дает горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а
главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (*очень ласково смотрит на Василькова*). А он ведь и собой недур-
рен...

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна (*Лидии*). Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор
велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позволите.

Надежда Антоновна (*приятно улыбаясь*). Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

Явление пятое

Глумов и Телятев.

Глумов. Ну, комедия начинается.

Телятев. Ты таки сказал?

Глумов. Разве я пропущу такой случай!

Телятев. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумов. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведем их до экстаза, да потом и разочаруем.

Телятев. Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя.

Подходит Кучумов.

Явление шестое

Телятев, Глумов и Кучумов.

Кучумов (*издали*). Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre... ¹ (*Подходит гордо, подымая голову кверху.*)

Телятев. Здравствуй, князинька!

Кучумов. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объяденье! Mille e tre...

Глумов. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

Кучумов. Что за вздор! Ma in Ispania... Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Глумов. Да и обещать-то ничего не значит.

Кучумов. Какой у тебя, братец, язык злой! (*Грозит пальцем.*) Уж ты дождешься, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Глумов. Да ты давно бы сказал; может быть, Бог даст, попаду в общество людей поумней вас.

Кучумов. Ну, ну! (*Махнув рукой.*) С тобой не сговоришь.

Телятев. А коли не сговоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

Кучумов. Mille e tre... Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Телятев. Ты ли, не другой ли кто?

Глумов (*горячо*). Где и как, говори скорей!

Кучумов. В купеческом клубе.

Телятев. И получил?

Кучумов. Получил.

Телятев. Рассказывай по порядку!

Глумов. Удивительно, если правда.

Кучумов (*с сердцем*). Ничего нет удивительного! Будто уж я и не могу выиграть! Заезжаю я вчера в купеческий клуб, прошел раза два по залам, посмотрел карточку кушанья, велел приготовить себе устриц...

Глумов. Какие теперь устрицы!

Кучумов. Нет, забыл, велел приготовить перменей. Подходит ко мне какой-то господин...

Телятев. Незнакомый?

Кучумов. Незнакомый. Говорит: не угодно ли вашему сиятельству в бакару? Извольте, говорю, извольте! Денег со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаем с рубля, и повезло мне, что называется, дурацкое счастье. Уж он менял, менял карты, видит, что дело плохо; довольно, говорит. Стали считаться – двенадцать с половиной тысяч... Вынул деньги...

Глумов. Ты говорил одиннадцать.

Кучумов. Уж не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятев. Кто же это проигрывает по двенадцати тысяч в вечер? Таких людей нельзя не знать.

Кучумов. Говорят, приезжий.

Глумов. Да я вчера был в купеческом клубе, там никакого разговора не было.

¹ А в Испании... а в Испании... тысяча и три...

Кучумов. Я приехал очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили в полчаса.

Глумов. С тебя ужин сегодня.

Телятев. Ужин у нас есть с Василькова, а ты нас поди коньячком попотчуй, что-то сыро становится.

Кучумов. Да ты, пожалуй, целую бутылку выпьешь; ведь это по рюмкам-то дорого обойдется.

Телятев. Нет, я рюмку, много две.

Кучумов. Коли две, пожалуй. А я вас в воскресенье обедом накормлю дома, дам вам севрюгу свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургонского, что вы...

Телятев (*берет его под руку*). Пойдем, пойдем! У меня уж зубы начинают стучать от сырости; пожалуй, лихорадку схватишь.

Уходят. Подходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и человек Чебоксаровых.

Явление седьмое

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и Андрей.

Надежда Антоновна (*Андрею*). Вели коляске подъехать поближе!

Андрей. Слушаю-с! (*Уходит и скоро возвращается.*)

Надежда Антоновна (*Василькову*). Благодарю вас, нам пора ехать. Прошу вас бывать у нас.

Васильков. Когда прикажете?

Надежда Антоновна. Когда угодно. Я принимаю от двух до четырех; лучше всего вы приезжайте к нам обедать запросто. По вечерам мы ездим гулять.

Васильков. Почту за счастье быть у вас при первой возможности. Лидия Юрьевна, я человек простой, позвольте мне выразить вам все мое удивление к вашей несравненной красоте.

Лидия. Благодарю вас. (*Отходит и замечая, что мать говорит с Васильковым, выражает нетерпение.*)

Надежда Антоновна. Так мы вас ждем.

Васильков. Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением. Я живу недалеко от вас.

Надежда Антоновна. Неужели?

Васильков. В одном доме, только по другой лестнице.

Надежда Антоновна, уходя, несколько раз оглядывается, Васильков долго стоит без шляпы неподвижно и смотрит им вслед.

Явление восьмое

Васильков один.

Васильков. Как она ласкова со мною! Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или очень умна, что через грубую провинциальную кору видит мою доброту. Но как еще я сердцем слаб! Вот что значит очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухих выкладках сердце скучает, зато, когда представится случай, оно отмстит и одурачит математика. Так и мне сердце отмстило; я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни Боже мой! Эта строгая подчиненность однажды определенному бюджету не раз спасала меня в жизни. (*Задумывается.*) О Лидия, Лидия! Как сердце мое тает при одном воспоминании о тебе! Но ежели ты бессердечна, ежели ты любишь одни только деньги!.. Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом. Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду из бюджета.

Подходят Кучумов, Телятев и Глумов.

Явление девятое

Васильков, Кучумов, Телятев и Глумов.

Телятев. Ну что, познакомились? Легче стало на душе? Поздравляю. (*Целует Василькова.*)

Васильков. Я вам много обязан и, поверьте, не забуду.

Телятев. Если забудете, я вам напомню. За вами бутылочка, поедemте ужинать, там и разопьем. (*Кучумову.*) Князинька, вот наш новый приятель, Савва Геннадич Васильков.

Кучумов. А! Да! Вы приезжий?

Васильков. Приезжий, ваше сиятельство.

Телятев. Нет, он не сиятельство, он просто Гриша Кучумов, а это мы так его зовем оттого, что очень любим.

Кучумов. Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо иметь...

Телятев. Что он вздор-то говорит!

Глумов. Кабы наше общество было взыскательнее, так бы нам с тобой туда не попасть.

Телятев. А вот что, не выпить ли здесь разгонную?

Васильков. Если общество желает. Человек, подай бутылку шампанского.

Глумов. И четыре больших стакана.

Кучумов. Ну да, четыре. Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами.

Глумов. Отсюда прямо в клуб, вот нас партия. (*Кучумову.*) Мы твои вчерашние двенадцать тысяч-то пересчитаем.

Кучумов. Не приложи своих.

Телятев (*человеку, который стоит у ворот*). Гришка! Григорий Алексеич!

Подходит Григорий.

Григорий Алексеевич, наденьте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорий (*надев пальто*). Здесь, сударь, у ворот.

Кучумов (*своему лакею*). Николай.

Подходит Николай.

Ну, что ж ты рот разинул! Стой здесь! Посадишь меня в карету.

Мальчик из кофейной подает шампанское и стаканы.

Васильков. Пожалуйте, господа, покорно прошу.

Все берут стаканы.

Телятев. За успех! Хотя вероятности очень мало.

Глумов. За хлопоты, а успеха не будет.

Кучумов. За какой успех?

Глумов. Хочет жениться на Чебоксаровой.

Кучумов. Да как это возможно! Да, наконец, я не позволю.

Телятев. Твоего позволения и не спросят.

Васильков. Угодно три тысячи пари? Я один держу против троих, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумов. Я никогда не держу пари.

Глумов. Я бы и держал, да денег нет.

Телятев. А я боюсь проиграть.

Васильков. Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили! Так зачем же было смеяться! Идет, что ли, начистоту? Вот три тысячи. *(Внимает деньги, все кивают отрицательно.)* Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и женюсь на ней непременно. Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю. Поедемте ужинать.

Действие второе

Лица:

Чебоксарова.

Лидия.

Кучумов.

Телятев.

Васильков.

Глумов.

Андрей.

Богато меблированная гостиная, с картинами, коврами, драпри. Три двери: две по бокам и одна входная.

Явление первое

Васильков ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Телятев.

Телятев. Я думал, что ты давно уехал. Что же ты нейдешь к дамам? Не хватает храбрости?

Васильков. Все мое несчастье, что я не умею поддерживать разговора.

Телятев. Какое тут уменье! Не нужно только заводить, особенно после обеда, ученых споров. Говори, что в голову придет, лишь бы только была веселость, остроумие, легкое злословие, а ты толкуешь об усеченных пирамидах, о кубических футах.

Васильков. Я уже теперь обдумал один веселый анекдот, который хочу рассказать.

Телятев. Так иди скорее, пока не забыл.

Васильков. А ты куда же торопишься?

Телятев. Меня Лидия Юрьевна за букетом послала.

Васильков. О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперник.

Телятев. Не бойся, друг! Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится. Меня не страшись и смело иди рассказывать свой анекдот.

Васильков уходит в дверь налево; оттуда же выходит Глумов.

Явление второе

Телятев и Глумов.

Глумов. Этот еще здесь? Каков гусь! Нет, я вижу, пора его выгнать. Довольно потешились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятев. Я и теперь держать не стану.

Глумов. Однако он тогда, в купеческом, ловко нас обработал. Хорош Кучумов! Говорил, что двенадцать тысяч накануне выиграл, а тут шестьсот рублей отдать не мог. В первый раз человека видит и остался должен... Ты куда?

Телятев. На Петровку.

Глумов. Поедем вместе.

Уходят. Входят Кучумов и Надежда Антоновна.

Явление третье

Кучумов и Надежда Антоновна.

Кучумов. Muta d'accento e de pensier...²

Надежда Антоновна. С некоторых пор я только такие известия и получаю.

Кучумов. Хм, да... Неприятно! e de pensier.

Надежда Антоновна. Что ни день, то и жди какой-нибудь новости в таком роде.

Кучумов. Но что же он там делает, ваш муж? Как же это так... допустить?... Не понимаю. Наш брат, человек со смыслом...

Надежда Антоновна. А что ж он сделать может! Ведь вы читали, что он пишет: неурожай, засуха, леса все сожжены на заводе, а от завода каждый год убыток. Он пишет, что ему теперь непременно нужно тысяч тридцать, что имение уж назначено в продажу.

Кучумов. Да что ж он, чудак... Разве у него мало знакомства! Да вот я, например... Вы ему так и напишите, чтоб он ко мне адресовался прямо. Muta d'accento...

Надежда Антоновна. Ах, друг мой! Я всегда была в вас уверена.

Кучумов. Ну, да что такое, что за одолжение! По старому знакомству, я рад... Что для меня значит...

Надежда Антоновна. Григорий Борисыч, но... ради Бога... Я откровенна только с вами, а для других мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорий Борисыч!

Кучумов. Конечно, конечно.

Надежда Антоновна. Нам надо поддерживать себя... Пока еще есть кредит... но немного. Подойдет зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоит. У меня Лидия ничего и слушать не хочет, ей чтоб было. Она ни цены деньгам, ни счету в них не знает. Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся.

Кучумов. А женихов не предвидится?

Надежда Антоновна. На ее вкус трудно угодить.

Кучумов. Таковую девушку в прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если б у меня не старуха...

Надежда Антоновна. У вас шутки... А каково мне, матери! Столько лет счастливой жизни, и вдруг... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нее не жалела, прожила все, что было отложено ей на приданое, и все даром. А нынче, вот ждала от мужа денег, и вдруг такое письмо. Я уж и не знаю, чем мы жить будем. Как я скажу Лидиньке? Это ее убьет.

Кучумов. Да вы, пожалуйста, коли что нужно, без церемонии... Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю ее с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь... люблю... да...

Надежда Антоновна. Не знаю, как вы любите, а для меня нет жертвы, которую бы я не принесла для нее.

Кучумов. И я то же самое, то же самое. Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.

Надежда Антоновна. Отчего ж ему не бывать?

Кучумов. Неприятен... Кто он такой, откуда взялся, никто не знает.

Надежда Антоновна. И я не знаю. Знаю, что он дворянин, прилично держит себя.

Кучумов. Да, ну так что ж?

² Меняет выражение и мысли.

Надежда Антоновна. Хорошо говорит по-французски.

Кучумов. Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна. Говорят, что у него какие-то дела, важные.

Кучумов. И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна. Кажется, неглуп.

Кучумов. Ну, уж об этом позвольте мне судить. Как же он к вам попал?

Надежда Антоновна. Не помню, право. Его представил кто-то; кажется, Телятев. У нас все бывают.

Кучумов. Уж не думает ли он жениться на Лидиньке?

Надежда Антоновна. Кто же знает, может быть, и думает.

Кучумов. А состояние есть?

Надежда Антоновна. Я, признаться сказать, так мало о нем думаю, что не интересуюсь его состоянием.

Кучумов. Толкует всё: «нынешнее время, да нынешнее время».

Надежда Антоновна. Теперь все так говорят.

Кучумов. Ведь этак можно и надоест. Говори там, где тебя слушать хотят. А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России. Гонять таких господ надо.

Надежда Антоновна. Зачем же? Напротив, я хочу приласкать его. В нашем положении всякие люди могут пригодиться.

Кучумов. Ну, едва ли этот на что-нибудь годится. Уж вы лучше на нас, старичков, надейтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Ох, ох, ох, ох! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Я сирота, у меня детей нет, – меня, куда хочешь, поверни, и в посаженные отцы, и в кумовья. Старику ласка дороже всего, мне свои сотни тысяч в могилу с собой не брать. Прощайте, мне в клуб пора.

Надежда Антоновна (*проводя до двери*). Можно надеяться вас скоро видеть?

Кучумов. Да, разумеется. Я еще вашей дочери конфеты проиграл. Вот я какой старик-то, во мне все еще молодая кровь горит. (*Уходит.*)

Надежда Антоновна. Эх, не конфеты нам нужны. (*Стоит задумавшись.*)

Выходит Васильков и берет шляпу.

Явление четвертое

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Куда вы торопитесь?

Васильков. Честь имею кланяться.

Надежда Антоновна. Погодите! (*Садится на диван.*)

Васильков. Что прикажете?

Надежда Антоновна. Садитесь! (*Васильков садится.*) Я хочу с вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю вас; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старух?

Васильков. Нисколько. Но что же вам, сударыня, угодно знать обо мне?

Надежда Антоновна. Мне, по крайней мере, нужно знать вас настолько, чтоб уметь отвечать, когда про вас спрашивают; у нас бывает много народу, никто вас не знает.

Васильков. Оттого меня и не знают, что я жил в провинции.

Надежда Антоновна. Вы где воспитывались?

Васильков. В высшем учебном заведении, но более сам занимался своею специальностью.

Надежда Антоновна. Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильков. Только мать жива, но и она безвыездно в деревне.

Надежда Антоновна. Значит, вы почти одинокий человек. Вы служите?

Васильков. Нет, занимаюсь частными предприятиями, имею дело больше с простым народом: с подрядчиками, с десятскими.

Надежда Антоновна (*снисходительно кивая головой*). Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацию...

Васильков. Нет, у нас только одни десятники.

Надежда Антоновна. Ах, это очень хорошо... Да, да, да, я вспомнила. Это теперь в моду вошло... и некоторые даже из богатых людей... для сближения с народом... Ну, разумеется, вы в красной шелковой... в бархатном кафтане. Я видела зимой в вагоне мильонщика и в простом бараньем... Как это называется?

Васильков. Полушубке.

Надежда Антоновна. Да, в полушубке и в бобровой шапке.

Васильков. Нет, я своей одежи не меняю.

Надежда Антоновна. Но ведь, чтоб так проводить время, нужно иметь состояние.

Васильков. Во-первых, это самое дело уж очень доходно.

Надежда Антоновна. То есть весело, вы хотите сказать. Поют песни, водят хороводы, – вероятно, у вас свои гребцы на лодках.

Васильков. У меня ничего подобного нет; впрочем, вы правы: нашего дела без состояния начинать нельзя.

Надежда Антоновна. Ну, еще бы, конечно, я так и думала. С первого разу видно, что вы человек с состоянием. Вы что-то не в духе сегодня. (*Молчание.*) Зачем вы спорите с Лидией? Это ее раздражает, она девушка с характером.

Васильков. Что она с характером, это очень хорошо; в женщине характер – большое достоинство. А вот что жаль, Лидия Юрьевна имеет мало понятия о таких вещах, которые теперь уже всем известны.

Надежда Антоновна. Да зачем ей, скажите, мой друг, зачем ей иметь понятие о вещах, которые всем известны? Она имеет высшее образование. У нас богатая французская библиотека. Спросите ее что-нибудь из мифологии, ну, спросите! Поверьте, она так хорошо знакома

с французской литературой и знает то, о чем другим девушкам и не грезилось. С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит ее ничем.

Васильков. Такое оборонительное образование хорошо при другом. Разумеется, я не имею права никого учить, если меня не просят. Я бы не стал и убеждать Лидию Юрьевну, если бы...

Надежда Антоновна. Что «если бы»?

Васильков. Если бы не надеялся принести пользу. С переменой убеждений в ней изменился бы взгляд на людей; она бы стала более обращать внимания на внутренние достоинства.

Надежда Антоновна. Да, на внутренние достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильков. Тогда мог бы и я надеяться заслужить ее расположение. А теперь быть приятным я не могу, а быть смешным не хочу.

Надежда Антоновна. Ах, нет, что вы! Она еще так молода, она ещё десять раз переменится. А я, признаюсь, всегда с удовольствием вас слушала, и без вас часто говорила ваши слова дочери.

Васильков. Благодарю вас. Я хотел уже ретироваться, чтоб не играть здесь жалкой роли.

Надежда Антоновна. Ай, ай, стыдно!

Васильков. Мне ведь особенно унижаться не из чего: не я ищу, меня ищут.

Надежда Антоновна. Молодой человек, вы найдете во мне союзницу, готовую помогать вам во всех ваших намерениях. (*Таинственно.*) Слышите, во всех; потому что я нахожу их честными и вполне благородными.

Входит Лидия и останавливается у двери.

Васильков (*встает, целует руку Надежды Антоновны*). До свиданья, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. До свиданья, мой добрый друг!

Васильков кланяется Лидии и уходит.

Явление пятое

Надежда Антоновна и Лидия.

Лидия. Что вы с ним говорили? О чем? Он ужасен, он сумасшедший.

Надежда Антоновна. Уж поверь мне, я знаю, что делаю. Наше положение не позволяет нам быть очень разборчивыми.

Лидия. Какое положение! Его нельзя терпеть ни в каком положении. Он не знает нашей жизни, наших потребностей, он чужой.

Надежда Антоновна. Ах, он часто говорит правду.

Лидия. Да кто же ему дал право проповедовать! Что он за пророк! Согласитесь, тамап, что гостиная не аудитория, не технологический институт, не инженерный корпус.

Надежда Антоновна. Лидия, ты уж очень безжалостна с ним.

Лидия. Ах, тамап, да какое же есть терпение его слушать! Какие-то он экономические законы выдумал! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, одни только законы и есть – законы света и приличий. Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай. Тут некогда думать о законах, а надо ехать в магазин и взять. Нет, он сумасшедший!

Надежда Антоновна. А мне кажется, он просто оригинальничает. Так многие делают. Он не очень образован, а может быть, и не умен, остроумием не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтоб быть заметным: вот он и хочет показаться оригиналом. А вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди.

Лидия. Может быть, и так; но он надоел до невозможности.

Надежда Антоновна. Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительнее. Ведь прощаем же мы прочих; половина тех господ, которые к нам ездят, хвастуны и лгут ужасно.

Лидия. Мне что за дело, что они лгут, по крайней мере, с ними весело, а он скучен. Вот чего простить нельзя.

Надежда Антоновна. Есть, мой друг, и еще причина быть к нему снисходительнее, и я тебе советую...

Лидия. Что за причина? Говорите!

Надежда Антоновна. Ты благоразумна... Я надеюсь, что у тебя достанет присутствия духа выслушать меня хладнокровно.

Лидия (с испугом). Что такое, что такое?

Надежда Антоновна. Я получила письмо от отца из деревни.

Лидия. Он болен, умирает?

Надежда Антоновна. Нет.

Лидия. Что же такое? Говорите!

Надежда Антоновна. Наши надежды на нынешний сезон должны рушиться.

Лидия. Каким образом? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна. Я писала к мужу в деревню, чтоб он нам выслал денег. Мы много должны, да на зиму нам нужна очень значительная сумма. Сегодня я получила ответ...

Лидия. Что же он пишет?

Надежда Антоновна (нюхая спирт). Он пишет, что денег у него нет, что ему самому нужно тысяч тридцать, а то продадут имение; а имение это последнее.

Лидия. Очень жаль! Но согласитесь, тамап, что ведь я могла этого и не знать, что вы могли пожалеть меня и не рассказывать мне о вашем разорении.

Надежда Антоновна. Но все равно ведь после ты узнала бы.

Лидия. Да зачем же мне и после узнавать? (*Почти со слезами.*) Ведь вы найдете средства выйти из этого положения, ведь непременно найдете, так оставаться нельзя. Ведь не покинем же мы Москву, не уедем в деревню; а в Москве мы не можем жить, как нищие! Так или иначе, вы должны устроить, чтоб в нашей жизни ничего не изменилось. Я этой зимой должна выйти замуж, составить хорошую партию. Ведь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если уж не придумали, как прожить одну зиму, не уронив своего достоинства? Вам думать, вам! Зачем же вы мне-то рассказываете о том, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствия, вы лишаете меня беззаботности, которая составляет лучшее украшение девушки. Думали бы вы, тапан, одни и плакали бы одни, если нужно будет плакать. Разве вам легче будет, если я буду плакать вместе с вами? Ну скажите, тапан, разве легче?

Надежда Антоновна. Разумеется, не легче.

Лидия. Так зачем же, зачем же мне-то плакать? Зачем вы навязываете мне заботу? Забота старит, от нее морщины на лице. Я чувствую, что постарела на десять лет. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят commis³ приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала все это жалким, мещанским, копеечным расчетом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете. Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить. Она подержит его да опять положит, потом опять возьмет, пошепчется с какими-то двумя старухами, потом опять положит, а commis смеются. Ах, тапан, за что вы меня мучите?

Надежда Антоновна. Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть от тебя наше расстройство; но нет возможности. Если остаться в Москве, – мы принуждены будем сократить свой расход, надо будет продать серебро, некоторые картины, брильянты.

Лидия. Ах, нет, нет, сохрани Бог! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнает, что мы разорены; к нам будут являться с кислыми лицами, с притворным участием, с глупыми советами. Будут качать головами, ахать, и все это так искусственно, форменно, – так оскорбительно! Поверьте, что никто не даст себе труда даже притвориться хорошенько. (*Закрывает лицо руками.*) Нет! Нет!

Надежда Антоновна. Но что же нам делать?

Лидия. Что делать? Не терять своего достоинства. Отдельвайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за все заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.

Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?

Лидия. Кто бы он ни был.

Надежда Антоновна. Не делал ли кто тебе предложения?

Лидия. Никто не делал, никто не смел делать; мои женихи от меня, кроме презрения, ничего не видали. Я сама искала красавца с состоянием, – теперь мне нужно только богатого человека, а их много.

³ приказчики.

Надежда Антоновна. Не ошибись в своих расчетах.

Лидия. Неужели красота потеряла свою цену? Нет, тамап, не беспокойтесь! Красавиц мало, а богатых дураков много.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Вот вам первый.

Надежда Антоновна (*Андрею*). Проси!

Андрей уходит.

Лидия. Оставьте нас, не мешайте. Вот кто заплатит за все.

Надежда Антоновна. А если?..

Лидия. А если?.. Ну что ж? Вы говорите, что у Василькова большое состояние, – тогда пошлите за ним. У него золотые прииски, он глуп, – золото наше.

Надежда Антоновна (*уходя*). Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. (*Уходит.*)

Входит Телятев с букетом.

Явление шестое

Телятев и Лидия.

Лидия. Как вы проворны, как вы меня балуете! Говорите, зачем вы это делаете?

Телятев. Разве это новость для вас? Когда же я не исполнял ваших приказаний?

Лидия. Зачем же вы всегда меня балуете?

Телятев. Я уж так устроен для услуг, – это мое призвание. Что мне делать, больше у меня и дела никакого нет.

Лидия. Значит, развлечение, от скуки. Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Телятев. Я же виноват!

Лидия. Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нет.

Телятев. Конечно, искренни.

Лидия. Но ведь постоянные угождения, постоянная лесть – это все своего рода удочки, на которые вы нас ловите. Вы заставляете предполагать в вас такую преданность, к которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятев. Тем лучше; не все же нам одним быть равнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидия. Да, хорошо вам говорить, когда у вас всякое чувство давно уже сделалось только фразой. У вас в жизни было столько практики по этой части, что вы умеете владеть собой во всяком положении. А вы представьте неопытную девушку, у которой чувство проснется в первый раз, – ее положение очень трудно и опасно.

Телятев. Очень может быть. Я своего мнения сказать не могу: ни разу девушкой не был.

Лидия. Если раз обнаружить свое чувство, то или сделаешься игрушкой мужчины, или будешь смешна; и то, и другое нехорошо. Ведь нехорошо?

Телятев. Нехорошо.

Лидия. Так не кружите мне голову напрасно, будьте искреннее, я вас прошу об этом! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь!

Телятев. Кто вам сказал! Помилуйте! Я всегда говорю то, что чувствую.

Лидия. Неужели?

Телятев. Даже меньше говорю, чем чувствую.

Лидия. Зачем же?

Телятев. Не смею... Разве позволите?

Лидия. Я прошу вас.

Телятев. Я перестаю верить ушам своим. Не во сне ли я? Что за счастливый день! Которое нынче число?

Лидия. Отчего счастливый день?

Телятев. Да мог ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю с вашей неприступной высоты. Вы были Дианой, презирающей мужской род, с луной в прическе, с колчаном за плечами; а теперь вы преобразились в простую, сердечную, даже наивную пейзажку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. *(Делает обыкновенные пейзажные жесты.)*

Лидия. Разве это для вас счастье?

Телятев. Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».

Лидия. Как легко вас осчастливить! Что ж, я очень рада, что могу осчастливить вас.

Телятев. Меня осчастливить? Лидия Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидия. Что вас удивляет? Разве вы не стоите счастья?

Телятев. Не знаю, стою ли; но ведь я с ума сойду.

Лидия. Сойдите!

Телятев. Я наделаю глупостей.

Лидия. Наделайте.

Телятев. Или вы зло шутите, или вы...

Лидия. Договаривайте!

Телятев. Или вы меня любите!

Лидия. К несчастью, последнее справедливее.

Телятев. Да какое же это несчастье? Это счастье, блаженство! Лучше придумать нельзя.

(Слегка обнимает Лидию.)

Лидия. Жан, ты мой?

Телятев. Раб, раб, негр, абиссинец...

Лидия *(поднимая на него глаза)*. Надолго ли?

Телятев. На век, на всю жизнь, даже более, если это можно.

Лидия. Ах, как я счастлива!

Телятев. Нет, как я-то счастлив. *(Целует ее.)*

Лидия. Ах, Боже мой, какое блаженство! Мамап!

Телятев. Как, мамап? Зачем тут мамап? Нам третьего не нужно.

Лидия. Я знаю, Жан, что не нужно; но я так счастлива.

Телятев. Тем лучше.

Лидия. Моя душа так полна, мне хочется поделиться с ней моею радостью.

Телятев. Не надо ничем делиться! Нам больше останется.

Лидия. Да, да, твоя правда, радостью не надо делиться, ее и так немного на земле. Но все равно должны же мы будем ей сказать.

Телятев. Вот уж не понимаю. Что ей сказать?

Лидия. А то, Жан, что мы любим друг друга и желаем быть неразлучны на всю жизнь.

Телятев. Да, вот что! Значит, по форме, как следует, законным браком. Ну, извините, я этого не ожидал.

Лидия. Что я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятев. Быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака, – это уж не мое дело.

Лидия. Как же вы осмелились?

Телятев. Я ни на что не осмеливался. Я только не запрещал вам любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидия. Да разве вы стоите моей любви?

Телятев. Совершенная правда, что не стою; но разве любят только тех, которые стоят? Что ж бы я был за дурак, если бы стал отказываться от вашей любви и читать вам мораль? Извините, учить вас морали я никак не возьмусь, это мне и не по способностям, и совсем не в моих правилах. По-моему, чем в женщине меньше нравственности, тем лучше.

Лидия. Вы чудовище! Вы гадкий!

Телятев. Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас.

Лидия уходит.

Вот было попался-то! Хорошо еще, что цел. Нет, эти игрушки надо бросить; так заиграешься, что и не увидишь, как в мужья попадешь. Долго ль до греха, человек слаб. *(Идет к дверям.)*

Входит Васильков.

Честь и место. (*Уходит.*)

Входит Надежда Антоновна.

Явление седьмое

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Здравствуйте! Очень рада! Вот видите, мне ваше общество сделалось необходимым. Сядьте ко мне поближе.

Васильков. Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна. Извините, что побеспокоила. Мне нужно совета, я – существо совершенно беспомощное, только одного серьезного человека и знаю, это – вас.

Васильков. Благодарю вас! Чем могу служить?

Надежда Антоновна. Я говорила с дочерью, мы хотим изменить свой образ жизни; нам надоело шумное общество; мы не станем никого принимать, кроме вас. Хотя у нас средства очень большие, но ведь это не обязывает беситься с утра до ночи.

Васильков. Я полагаю.

Надежда Антоновна. Лидия хочет закончить свое образование; в этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам.

Васильков. Всей душой рад служить вам; но чему же я могу учить Лидию Юрьевну? Сферической тригонометрии?

Надежда Антоновна. Ах, да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителем молодой девушки довольно приятно.

Васильков. Конечно; но для чего Лидии Юрьевне сферическая тригонометрия?

Надежда Антоновна. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. (*Таинственно.*) Она ведь не любит этих шаркунов.

Васильков. Удивляюсь.

Надежда Антоновна. Что касается до меня, я давно их не жалею. Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились.

Васильков. Благодарю вас.

Надежда Антоновна. Кажется, если б можно, я решилась бы употребить даже власть, чтоб только видеть ее счастливой!

Васильков. Разве другого средства уже нет?

Надежда Антоновна. Не знаю, попробуйте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только ведь вы очень робки; хотите, я ей скажу за вас? А то заспорите и поссоритесь – сохрани Бог.

Васильков. Позвольте мне самому! Мне еще нужно подготовиться к моему объяснению, подумать.

Надежда Антоновна. О чем думать, что готовить?

Входит Лидия.

Явление восьмое

Васильков, Надежда Антоновна и Лидия.

Надежда Антоновна. Вот, Лидия, Савва Геннадич делает тебе предложение через меня: он просит твоей руки. Хотя с своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стесняю.

Лидия. В таком деле, разумеется, я должна иметь свою волю, и если б мне кто-нибудь понравился, поверьте, мама, я скорее бы послушалась своего сердца, чем вашего совета. Но ко всем моим поклонникам я равнодушна одинаково: вы знаете, скольким женихам я уж отказала; а выйти замуж надо, пора уж, потому я и предоставляю себя в полное ваше распоряжение.

Васильков. Значит, вы меня не любите?

Лидия. Нет, не люблю. Зачем я буду вас обманывать! Но мы с вами после объяснимся. Мама, вы беретесь устраивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвечать за мое счастье.

Надежда Антоновна (*Василькову*). Слышите, мой друг?

Васильков. Я очень жалею.

Лидия. О чем? Что я вас не люблю?

Васильков. Нет, что я поторопился.

Лидия. Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и с вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы так легко от меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я с вами откровенна; притвориться ничего не стоит, но я не хочу этого. Все невесты говорят, что влюблены в своих женихов, но вы не верьте им, – любовь приходит после. Отбросьте в сторону самолюбие и согласитесь! За что мне было полюбить вас? И лицо ваше не из красивых, и имя неслыханное, и фамилия какая-то мещанская. Все это мелочи, к этому можно привыкнуть, но не вдруг. За что вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю вас. Заслужите мою любовь, и мы будем счастливы.

Надежда Антоновна. Главное, вы помните, что ни я, ни отец для нее ничего не жалели, решительно ничего. Все-таки она приносит для вас жертву.

Васильков. Я не хочу жертвы.

Лидия. Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

Васильков. Нет, я знаю, чего хочу. Можно жениться без любви, любовь сама придет со временем, вы правы. Но я желаю, чтоб вы меня уважали, без этого уж брак невозможен.

Лидия. Все это разумеется само собой, иначе бы я не пошла за вас.

Васильков. Откровенность за откровенность. Вы мне сказали, что не любите меня, а я вам скажу, что я полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою от вас, она очень легко может перейти в ненависть.

Лидия. Вот как!

Васильков. Откажитесь от меня, еще есть время.

Лидия. Зачем отказываться? Ха, ха, ха! Будем играть комедию, заслуживать любовь друг друга.

Васильков. Я не комедии желаю, а светлой жизни и счастья.

Лидия. Нет, вы именно комедии желаете. Вы делаете мне предложение, – я изъявляю согласие; чего же вам еще? Вы меня любите, вы только должны быть бесконечно счастливы, а не рассуждать об обязанностях. Свои обязанности всякий должен знать про себя. О том, как жить, рассуждают только люди бедные, которым жить нечем.

Надежда Антоновна. Я вижу, вижу, что вы друг друга любите; и все споры ваши только, так сказать, литературные.

Васильков. Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились. *(Подает коробку, в которой серьги и брошка.)*

Надежда Антоновна. О! Да эти вещи стоят несколько тысяч.

Васильков. Всего три.

Лидия. Мне кажется, есть возможность полюбить. *(Протягивает Василькову руку, он почтительно целует.)*

Действие третье

Лица:

Надежда Антоновна.

Васильков.

Лидия, его жена.

Кучумов.

Телятев.

Глумов.

Василий, камердинер Василькова.

Андрей.

Горничная Васильковых.

Та же гостиная, что во втором действии, но богаче меблированная. Направо от зрителей дверь в кабинет Василькова, налево – в комнаты Лидии, посредине – выходная.

Явление первое

Из кабинета выходит Васильков, с портфелем и с газетами, быстро пробегает их глазами, потом звонит. Входит Василий.

Васильков. Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на днях продается. Жалко! И завод может приносить большой доход, и лесу много. Василий Иваныч, сходи к Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобы он сейчас же шел на биржу и подождал меня там. Мне нужно совершить на его имя доверенность. Скажи ему также, чтобы он был готов на всякий случай, я его пошлю в Казань.

Василий. Слушаю, сударь.

Васильков. Ты, Василий Иваныч, оделся бы как покладнее.

Василий. Никак невозможно-с. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжак и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает.

Васильков. Твое дело, Василий Иваныч. Ступай!

Василий уходит. Васильков вынимает счет и рассматривает. Из комнаты Лидии выходит Надежда Антоновна.

Явление второе

Васильков и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился и все за делом.

Васильков. Одно другому не мешает, маменька.

Надежда Антоновна. Что за маменька!

Васильков. Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет.

Надежда Антоновна. Ну, хорошо, хорошо. (*Подходит к нему.*) Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли, сынок? (*Берет его за ухо.*)

Васильков (*целует ее руку*). Да, я счастлив, совершенно счастлив. Я могу теперь сказать, что в моей жизни было несколько дней блаженства. Ах, маменька...

Надежда Антоновна. Опять маменька!

Васильков. Извините!

Надежда Антоновна. Я ничего другого и ожидать не могла, кроме счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильков. Я был бы еще счастливее, если б... если б...

Надежда Антоновна (*садится*). Что, если б? Чего вам еще мало, неблагодарный!

Васильков. Если б всю жизнь можно было разъезжать по Москве то с визитами, то по вечерам и концертам... ничего не делая; если б не стыдно было так жить и были бы на это средства.

Надежда Антоновна. Если все порядочные люди так живут, значит не стыдно, а средства нужны небольшие.

Васильков. Однако! По моим соображениям, я прожил много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидия; я в ее расчеты не мешаюсь.

Надежда Антоновна. И прекрасно делаете.

Васильков. У нее свое, у меня свое. Но я рассчитываю, много ли мне придется таким образом прожить в год.

Надежда Антоновна. Ах, какие пустяки! Да живите, как живется; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

Васильков. Как не могут?! Ведь так в полгода проживешь тысяч двадцать пять.

Надежда Антоновна. Ну, много ли это! Неужели вам жаль? Я вас не узнаю.

Васильков. Совсем не в том вопрос, жаль или нет, а в том, где взять их.

Надежда Антоновна. Ну, уж это я не знаю. Вам это должно быть лучше известно.

Васильков. Чтоб так жить, надо иметь миллион.

Надежда Антоновна. Мы не запрещаем вам иметь их и два.

Васильков. Ни двух, ни одного нет у меня; мое состояние обыкновенное.

Надежда Антоновна. Надеюсь все-таки за полмиллиона. И это хорошо.

Васильков. У меня есть имение, есть деньги небольшие, есть дела; но все-таки я более семи, осьми тысяч в год проживать не могу.

Надежда Антоновна. А прииски?

Васильков. Какие прииски, что вы!

Надежда Антоновна. Золотые.

Васильков. Не только золотых, но и медных нет.

Надежда Антоновна (*встает*). Зачем же вы нас обманули так жестоко!

Васильков. Чем я вас обманул?

Надежда Антоновна. Вы сказали, что у вас есть состояние.

Васильков. И действительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна. Подите вы! Вы не понимаете, что говорите. Вы не знаете самых простых вещей, которые маленьким детям известны.

Васильков. Да позвольте! Чем же это не состояние. Что ж это такое?

Надежда Антоновна. Что? Нищета, бедность, вот что. Того, что вы называете состоянием, действительно довольно для холостого человека; этого состояния ему достанет на перчатки. Что же вы сделали с моей бедной дочерью?

Васильков. Я хотел сделать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна. Без состояния? Смешно.

Васильков. Я имею достаточно и стараюсь приобретать.

Надежда Антоновна. Что, достаточно? Ей нужно состояние, а состояние вам приобрести нельзя: откупов нет, концессии на железную дорогу вам не дадут. Состояние можно только получить по наследству, да еще при большом счастье выиграть в карты.

Васильков. Нет, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мне посоветуете?

Надежда Антоновна. Вы думаете? Как хорошо вы меня знаете. Нет, я вижу, мне нужно принимать меры и поправлять нашу ошибку.

Васильков. Что поправлять? Какая ошибка? Прошу вас, не мешайтесь в чужие дела.
(*Берет шляпу.*)

Надежда Антоновна. Вы уходите?

Васильков. Мне пора. До свидания. (*Уходит.*)

Надежда Антоновна. Вот еще, хлопоты с этим зятем! Впрочем, кто же бы взял Лидию, если б узнали, что у нее ничего нет? Надо будет для него постараться, уж нечего делать.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Надежда Антоновна. Вот кстати! (*Андрею.*) Проси.

Андрей уходит.

Я сейчас за него примусь.

Входит Кучумов.

Явление третье

Надежда Антоновна и Кучумов.

Кучумов. Расе e gioia son con voi ⁴.

Надежда Антоновна. Очень рада. Садитесь!

Кучумов (*садясь*). Расе e gioia... А где ж наша нимфа?

Надежда Антоновна. Полетела с визитами, она сейчас будет.

Кучумов. А сатир, который у нас ее похитил?

Надежда Антоновна. Побегал по своим делам. У него все какие-то дела.

Кучумов. Черствый человек! Впрочем, что ж ему! Он муж, а вот мы таем да облизываемся, как лисица на виноград.

Надежда Антоновна. Старичок, старичок, что вы!

Кучумов. Сердцем молод, Надежда Антоновна, волканическая натура.

Надежда Антоновна. Ах, да. Вы получили от мужа письмо?

Кучумов. Получил. Не беспокойтесь! Завтра же pošлю ему. Какая это сумма! Выкиньте из головы!

Надежда Антоновна. У меня еще до вас просьба.

Кучумов. Что такое, что такое! Рад, душевно рад.

Надежда Антоновна. Не можете ли вы доставить одному моему знакомому место повыгоднее да еще опеку, большую, или управление богатым имением?

Кучумов. Надо знать кому.

Надежда Антоновна (*пожимая плечами*). Зятю.

Кучумов. Что, видно, плохо дело! Я так и ожидал.

Надежда Антоновна. Да, мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

Кучумов. Какое ж он право имел на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотом осыплет? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нем, вероятно, подьяческой крови много! Он для чего место ищет? Чтоб взятки брать. Как же мне его рекомендовать! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Надежда Антоновна. Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

Кучумов. Да ведь вы сами говорили, что в нем ошиблись. То-то мне рожа-то его...

Надежда Антоновна. Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

Кучумов. Как, неприятно! Кто вам сказал! Очень приятно.

Надежда Антоновна. Я Лидию знаю, она не захочет остаться неблагодарной.

Кучумов. Да я все средства... всех знакомых на ноги...

Надежда Антоновна. Вы думаете, женщины не умеют быть благодарными? Нет, если они захотят...

Кучумов. Да я лечу, сейчас лечу... Как, что, куда? Приказывайте.

Входит Лидия.

⁴ Мир и радость пусть будут с вами.

Явление четвертое

Надежда Антоновна, Кучумов и Лидия.

Кучумов. Ах, ах, немею!

Лидия. Очень жаль будет, если онемеее, вы так хорошо говорите. Измучилась. (*Садится на кресло.*) Всю Москву объездила.

Надежда Антоновна. Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит, но хорошо и дела делает; он завтра посылает отцу твоему деньги на выкуп имения, да и нам оказывает услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. (*Взглядывает на дочь.*)

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Надежда Антоновна. Проси его ко мне, я его у себя приму. (*Уходит; за ней Андрей.*)

Явление пятое

Кучумов и Лидия.

Лидия. Скажите, пожалуйста, что вы за благодетель такой! Ведь помогать другим – отнимать у себя. Что вас побуждает?

Кучумов. И вы, вы меня спрашиваете?

Лидия. Отчего ж мне не спрашивать?

Кучумов. Да я не только состоянием, я для вас готов жизнью...

Лидия. Всего вероятнее, что такая жертва мне будет не нужна. Но вы действительно посылаете отцу денег?

Кучумов. Завтра же.

Лидия. Это благородно. Нельзя не ценить такой дружбы.

Кучумов. Больше, чем дружба, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имение у вашего отца и подарю его вам.

Лидия. Ну что ж, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумов. Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток тридцать тысяч. Что мне деньги! Мне ваше расположение, только ваше расположение.

Лидия. Как же может выразиться мое расположение? Вы у нас и так, как родной.

Кучумов (*подвигаясь*). Как родной, как родной...

Лидия. Однако какая же вы можете быть мне родня? Для брата вы уж стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумов (*опускаясь на колени и целуя ее руку*). Папашей, папашей.

Лидия (*отнимая руку*). Шалишь, папашка!

Кучумов. Шалю, шалю! (*Опять целует руку.*)

Глумов показывается на пороге и быстро уходит.

Лидия (*встает*). Тебе стыдно шалить, ты не маленький.

Кучумов встает с колен. Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Проси.

Андрей уходит.

Кучумов. Addio mia carina! ⁵ Лечу по вашим делам.

Лидия. По каким?

Кучумов. После узнаете. (*Уходит.*)

Входит Телятев.

⁵ Прощай, моя дорогая!

Явление шестое

Лидия и Телятев.

Телятев. Казните, да только поскорее. Если вы хотите дуться на меня, так я убегу куда-нибудь в лес. Вы лучше прибейте меня, только потом смилуйтесь надо мной. Я не могу жить без вас, на меня нападает сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Лидия. За что мне сердиться на вас?

Телятев. Ну, вот какие слова! Ведь это кинжалы.

Лидия. Чем вы хуже других? Есть и хуже вас.

Телятев. Ну, вот опять! Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидия. Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человека, которого не люблю.

Телятев. Не любите? Это очень хорошо.

Лидия. Да, кажется, и он меня не любит.

Телятев. Не любит! Бесподобно!

Лидия. Что же тут хорошего?

Телятев. Не знаю, как для вас, а для нашего брата, беспутного холостяка, это находка. Мы ведь сироты, всю жизнь таких случаев ищем.

Лидия. Вы безнравственный до мозга костей.

Телятев. Ну, еще как-нибудь побраните!

Лидия. Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь разве можно бранить? За то, что вы не женились на мне, любя меня? Так ведь это прошло. Этой беды вам поправить нельзя.

Телятев. Жениться нельзя. Это верно. Любить можно.

Лидия. Разве я могу запретить? Это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем лучше.

Телятев. Ну, на что вам много? Возьмите пока одного.

Лидия. Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчас разговоры пойдут, а как много-то, так и подозрения нет. Как узнаешь, который настоящий?

Телятев. Так вы возьмите меня настоящего да еще человека четыре сверхштатных.

Лидия (*смеясь*). Вы такой шут, что на вас решительно сердиться нельзя.

Телятев. Гнев прошел. Можно теперь любезные слова говорить?

Лидия. Говорите, я люблю вас слушать. Ведь вы милый! А?

Телятев. Ей-богу, милый. Как вы похорошили! Знаете, какая перемена в вас? Такая перемена всегда...

Лидия. Нет, вы, пожалуйста, пожалейте меня! Я еще недавно дама, не успела привыкнуть к вашим разговорам! Я знаю, какие вы вещи дамам рассказываете.

Телятев. Как жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорей, а то скучно. Обратимся к старому. Скоро вы заведете cavalier servente? ⁶

Лидия. Да разве у нас это принято?

Телятев. Надо завести этот прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидия. А мужья что скажут?

Телятев. Привыкнут понемножку. Ну, конечно, сначала многих из нас, кавалеров, побьют довольно чувствительно, особенно купцы; многих сведут к мировым; а там дело и пой-

⁶ поклонника.

дет своим порядком. Первые должны пожертвовать собой, зато другим будет хорошо. Без жертв никакое полезное нововведение не обходится.

Лидия. Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Телятев. Уже начинаем, уж несколько жертв принесено: одного в синюю кубовую краску окрасили, с другим еще хуже было.

Лидия. Ну вот, когда этот похвальный обычай укоренится...

Телятев. Тогда вы возьмете меня.

Лидия. Если будете стоять. Вы очень ветрены.

Телятев. Отчего я ветрен, знаете ли?

Лидия. Оттого, что душа мелка.

Телятев. Нет! Оттого, что мне постоянным быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннее телеграфного столба.

Лидия. Испытаем.

Телятев. Испытаете? Да я за одно это сейчас буду у ног ваших.

Лидия. Нет, уж от этой церемонии вы меня увольте! Можно и без нее обойтись.

Телятев. Как угодно. Однако я все-таки чувствую потребность оказать вам какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидия (*подает ему руку*). Целуйте!

Входит Глузов и остается в глубине.

Явление седьмое

Лидия, Телятев и Глумов.

Телятев (*не замечая Глумова*). В перчатке? Что это за поцелуй! Электричество, которым так переполнено мое сердце и которое я желаю передать вам, не дойдет до вашего сердца через перчатку. Лайка – дурной проводник. (*Целует руку несколько выше перчатки.*)

Лидия. Ну, довольно! Вам нельзя ничего позволить! Вы всегда делаете больше того, что вам дозволяют.

Телятев. Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоит ли об этом разговаривать!

Лидия. Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этак... (*Увидев Глумова.*) А! Егор Дмитрич! Мы вас и не видим.

Глумов. Ничего, продолжайте, продолжайте, я вам не мешаю.

Лидия. Что такое: продолжайте! Что за тон! Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцеловать мою руку? Я с охотой позволю и вам то же сделать. (*Протягивает ему руку.*)

Глумов. Покорно благодарю! Я рук не целую ни у кого. Я позволяю себе целовать руки только у матери или у любовницы.

Лидия. Ну, так вам моей руки не целовать никогда.

Глумов. Как знать! Жизнь велика; гора с горой не сходится...

Лидия. Пойдемте, Иван Петрович. (*Подает руку Телятеву.*) Он грубый человек. (*Глумову.*) Вы мужа дожидаетесь? Подождите, он скоро придет.

Глумов. Да-с, я вашего супруга ожидаю, у меня есть много интересного передать ему.

Лидия. Сделайте милость, рассмешите его чем-нибудь! Он такой задумчивый. Забавлять лучше вас никто не умеет, вы очень забавны.

Уходят Телятев и Лидия.

Явление восьмое

Глумов один, потом Василий.

Глумов. Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, bravo! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остается только их сравить всех втроем, и с мужем. Василий!

Входит Василий.

Василий. Что, сударь, прикажете?

Глумов. Когда у вас Кучумов бывает, в какое время?

Василий. Завсегда, сударь, во втором часу. Барин в это время дома не бывает.

Глумов. Где же он бывает?

Василий. В своем заседании, съезжаются тоже всё люди богатые – разговор промеж них идет о делах.

Глумов. О каких делах?

Василий. Как все чтоб лучше, чтоб им денег больше.

Глумов. А твой барин богат?

Василий. Само собою.

Глумов. Ведь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тот и богат.

Василий. Может, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумов. Невелики деньги.

Василий. Поищем, так найдем. Да что говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякий понимать может. Тоже и наука, а не то что лежат на боку. Мы, может, ночи не спали, страху навиделись. Как вы обо мне понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верст не доезжал, назад вернули при машинах. Стало быть, нам много разговаривать нельзя. (*Уходит.*)

Глумов. Что он тут нагородил! Кучумов бывает во втором часу, это важное дело, так мы и запишем.

Входят Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Явление девятое

Глумов, Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Глумов (*Василькову*). Здравствуй!

Васильков. Здравствуй!

Глумов. Что ты так озабочен?

Васильков. Да ведь у меня дела-то не то, что у вас по улицам собак гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте с дамами; а мне некогда, у меня дел много, я пойду заниматься.

Телятев и **Глумов**. Ступай! Ступай!

Васильков. К обеду освобожусь. Коли хотите обедать, так оставайтесь без церемонии! Милости просим! А не хотите, так убирайтесь. (*Уходит в кабинет.*)

Надежда Антоновна. Учтиво, нечего сказать.

Телятев. Мы на него не сердимся, он добрый малый. А не убираться ли нам в самом деле?

Глумов. Поедем. Я домашних обедов, запросто, не люблю. В них всегда есть что-то фамильярное: либо квас посередине стола в большом графине, либо домашние наливки, либо миска с отбитой ручкой, либо пирожки свечным салом пахнут. У вас, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обедать в гостинице или клубе.

Телятев. Поедем в Английский, нынче там обед.

Глумов. Поедем.

Раскланиваются и уходят.

Явление десятое

Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Лидия, муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Лидия (*с испугом*). Что вы говорите?

Надежда Антоновна. Он давеча сказал мне, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько мы сделали долгов до свадьбы и что все придется платить ему? Твоих долгов он и знать не хочет.

Лидия. А где ж прииски?

Надежда Антоновна. Выдумка Глумова.

Лидия. Я погибла. Я, как бабочка, без золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна. Мне кажется, у него есть деньги, только он скуп. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидия (*задумавшись*). Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя.

Надежда Антоновна. Страшные слова говоришь ты, Лидия.

Лидия. Страшней бедности ничего нет.

Надежда Антоновна. Есть, Лидия: порок.

Лидия. Порок! Что такое порок? Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Самый большой порок есть бедность. Нет, нет! Это будет первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не страшна; я молодая и хочу жить. Для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь.

Надежда Антоновна. Я не слушаю.

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Оба они богаты и мотают, но Кучумов богаче и добрее.

Лидия. Только мне и нужно. Где у вас счета из магазинов и лавок? Давайте сюда!

Надежда Антоновна (*достает из кармана*). Вот все. (*Уходит.*)

Лидия берет их и решительным шагом идет в кабинет мужа. Навстречу ей выходит Васильков.

Явление одиннадцатое

Лидия и Васильков.

Лидия. Я шла к тебе.

Васильков. А я к тебе.

Лидия. Вот и прекрасно. Мы сошлись на полдороге; куда же нам идти, к тебе или ко мне? Туда? (*Указывает на свои комнаты.*) Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильков. Остановимся пока на полдороге. Поболтаем полчасика до обеда. Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну.

Лидия. Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. (*Обнимает его.*)

Васильков. Что с тобою, Лидия? Такая перемена меня удивляет.

Лидия. Да разве я не живой человек, разве я не женщина! Зачем же я выходила замуж? Мне нечего стыдиться моей любви к тебе! Я не девочка, мне двадцать четыре года... Не знаю, как для других, а для меня муж все, – понимаешь, все. Я и так долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильков. Совершенно напрасно.

Лидия. Теперь уж, когда мне придет в голову задушить тебя в своих объятиях, так и задушу. Ты мне позволь.

Васильков. Да как не позволить.

Лидия. Я не знаю, что со мной сделалось. Я не любила тебя прежде и вдруг привязалась так страстно. Слышишь, как бьется сердце? Друг мой, блаженство мое! (*Плачет.*)

Васильков. Но об чем же ты плачешь?

Лидия. От счастья.

Васильков. Я должен плакать. Я искал в тебе только изящную внешность и нашел доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидия. Я тебя и так люблю, мой дикарь.

Васильков. Да, я дикарь; но у меня мягкие чувства и образованный вкус. Дай мне твою прелестную руку. (*Берет руку Лидии.*) Как хороша твоя рука! Жаль, что я не художник.

Лидия. Моя рука! У меня нет ничего моего, все твое, все твое. (*Прилегает к нему на грудь.*)

Васильков (*целует руку Лидии*). Дай мне обе!

Лидия прячет счета в карман.

Что ты там прячешь?

Лидия. Ах, пожалуйста, не спрашивай меня! Друг мой, прошу тебя, не спрашивай!

Васильков. Зачем ты так просишь? Если есть у тебя тайна, так береги ее про себя, я до чужих тайн не охотник.

Лидия. Разве у меня могут быть тайны? Разве мы не одна душа? Вот мой секрет: в этом кармане у меня счета из магазинов, по которым татап должна заплатить за мое приданое. Она теперь в затруднении, отец денег не высылает, у него какое-то большое предприятие. Я хотела заплатить за нее из своих денег, да не знаю, достанет ли у меня в настоящую минуту. Видишь, какой вздор.

Васильков. Покажи мне эти счета!

Лидия (*отдает счета*). На! Зачем они тебе, не понимаю.

Васильков. А вот зачем: за то блаженство, которое ты мне нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, ведь я мог жениться на бедной, пришлось бы делать приданое на свой счет. А еще неизвестно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Лидия. Нет, нет! Я тоже должна чем-нибудь заплатить матери за ее заботы обо мне.

Васильков. Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василий!

Входит Василий.

Подай со стола из кабинета счета.

Василий приносит счета и уходит. Входит Надежда Антоновна.

Васильков садится к столу и начинает разбирать счета.

Явление двенадцатое

Васильков, Лидия и Надежда Антоновна.

Лидия (*тихо Надежде Антоновне*). Он все заплатит. (*Ложится на диван и берет книгу в руки. Громко.*) Мамап, не будемте мешать ему, он занят. (*Надежде Антоновне, которая садится в головы Лидии, – тихо.*) Он у меня в руках.

Васильков (*считая на счетах*). Лидия, тут счет за обои и за драпировки, которые никак не могут идти в приданое.

Лидия. Ах, мой друг, все это надо было подновить к нашей свадьбе, к нам так много народу стало съезжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не решились на такую трату.

Надежда Антоновна. Простояло бы еще зиму.

Васильков. Ну, хорошо, хорошо. (*Считает*).

Лидия (*Надежде Антоновне тихо*). Я вам говорю, что он заплатит за все, решительно за все.

Входит горничная, очень модно одетая, и подает Лидии счет: та показывает ей рукой на мужа. Горничная подает счет Василькову: тот, пробежав его, кивает головой на жену и продолжает стучать на счетах. Горничная опять подает счет Лидии, та берет его и небрежно бросает на пол. Горничная уходит. Входит Андрей с двумя счетами; повторяется точно та же история. Андрей уходит. Входит Василий с десятком счетов и подает их Василькову.

Василий. Вот их сколько, сударь! Что французов там дожидается!

Васильков. Подай барыне!

Василий подает, Лидия бросает их на пол.

Василий (*подбирая счета*). Зачем же бросать! Счет – ведь это документ, по ём надо деньги платить.

Лидия. Вон отсюда! Я не могу видеть тебя!

Василий разглаживает каждый счет, кладет их аккуратно на стол и уходит.

Васильков (*встает и ходит по комнате*). Я кончил. Тут тридцать две тысячи пятьсот сорок семь рублей девяносто восемь копеек. Эта сумма для меня слишком значительна, но я заранее дал тебе слово и потому заплатить должен. Я займу сегодня, сколько будет нужно; но чтоб сохранить равновесие в бюджете, мы должны будем надолго значительно сократить наши расходы. Через улицу, напротив, есть одноэтажный домик в три окна на улицу; я его смотрел, он для нас будет очень достаточен. Надо распустить прислугу: я себе оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле, – повара отпустим и найдем кухарку. Лошадей держать не будем.

Лидия (*смеется*). Как же мы без лошадей останемся? Ведь лошади для того и созданы, чтоб на них ездить. Неужели вы этого не знаете? На чем мы выезжать будем? В аэростате ведь никто еще не ездил. Ха, ха, ха!

Васильков. Когда сухо – пешком, а грязно – на извозчике.

Лидия. Вот любовь-то ваша!

Васильков. Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Лидия. Подите скорей! Commis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Им надо заплатить.

Васильков. Платите вы, у вас есть свои деньги.

Лидия. Я не заплачу.

Васильков. Вас заставят судом.

Лидия. Но мне нечем заплатить! Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Надежда Антоновна *(горячо)*. За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись – вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вам в пример моего мужа. Он имел видное и очень ответственное место; через его руки проходило много денег, – и знаете ли, он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или просто даже для наших прихотей, он... не знал различия между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, он пожертвовал собою для святого чувства семейной любви. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы.

Васильков. И поделом.

Надежда Антоновна. Вы не умеете ценить его, оцените хоть нас! Вы бедны, мы вас не оставим в бедности; мы имеем связи. Мы ищем и непременно найдем вам хорошее место и богатую опеку. Вам останется только подражать моему мужу, примерному семьянину. *(Подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и говорит шепотом.)* Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? *(Показывает на карман.)* Уж это мое дело, чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно.

Васильков. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня вором не сделают. Если вы мне еще о воровстве заикнетесь, я с вами церемониться не буду. Лидия, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но в последний раз и с таким условием: завтра же переехать в этот домик с тремя окнами, – там и для маменьки есть комната, – и вести жизнь скромную. Мы не будем никого принимать. *(Рассматривает счеты.)*

Лидия *(прилегая на плечо к матери)*. Надо с ним согласиться. *(Тихо.)* У нас будут деньги, и мы с вами будем жить богато. *(Громко мужу.)* Мой друг, я согласна. Не противиться тебе, а благодарить тебя я должна. *(Тихо матери.)* Как я проведу его. *(Громко мужу.)* Мы не будем никого принимать.

Васильков *(считая)*. Я знаю, что ты у меня умница.

Лидия. Но старик Кучумов, он благодетель всего нашего семейства, почти родственник.

Васильков *(считая)*. Ну, Кучумова можно.

Лидия судорожно сжимает матери руку.

Надежда Антоновна *(тихо)*. Ты что-то затеваешь?

Лидия *(тихо)*. Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю.

Васильков. Однако ты порядочная мотовка!

Лидия *(кидается ему на шею)*. Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мне такие уроки нужны, не жалея меня!

Васильков. Значит, мир?

Лидия. Мир, мир, надолго, навсегда.

Васильков. Ну вот и прекрасно, моя милая! По крайней мере, мы теперь знаем друг друга. Ты знаешь, что я расчетлив, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мне счастье, на которое грубому труженику нельзя было надеяться и которое мне дорого, очень дорого, моя Лидия, мой ангел! *(Обнимает жену.)*

Действие четвертое

Лица:

Надежда Антоновна.

Васильков.

Лидия.

Кучумов.

Телятев.

Глумов.

Василий.

Весьма скромная зала, она же и кабинет; по сторонам окна, на задней стене, направо от зрителей, дверь в переднюю, налево – во внутренние комнаты, между дверей изразцовая печь; меблировка бедная: письменный стол, старое фортепьяно.

Явление первое

Васильков сидит у стола и собирает бумаги, Василий стоит за стулом.

Васильков. Ну что, Василий Иваныч, барыня, кажется, начинает привыкать и к новой квартире, и к тебе?

Василий. Насчет квартиры не знаю, сударь, что сказать. Все смеются с маменькой по-французски. А про меня уж что! Как еще только я жив!

Васильков. Что ты, Бог с тобою!

Василий. Да помилуйте, Савва Геннадич, сударь! Им нужно, чтоб в штиблетах, а я не могу. Какой же я камардин, коли я при вас служащий, все одно как помощник. Помилуйте, Савва Геннадич, мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу.

Васильков. Ну да, да, конечно. *(Встает со стула.)*

Василий. Ну, и за фрукты тоже съела было совсем.

Васильков. За какие фрукты?

Василий. Конечно, по нашему званию... и всего-то вот сколько было. *(Показывает на пальце.)*

Васильков. Чего?

Василий. Редечки... всего-то вот столько было. Сидел в передней, доедал.

Васильков. Уж ты, Василий Иваныч...

Василий. Да невозможно, сударь, Савва Геннадич! Мы народ рабочий, на том воспитаны. Да мне дороже она Бог знает чего.

Васильков. Так слушай, Василий Иваныч! Без меня, кроме Кучумова, никого не принимай!

Василий. Уж будьте покойны! *(Уходит.)*

Входит Лидия.

Явление второе

Лидия одна.

Лидия. Что так долго не едет этот противный старичишка! Вот уж три дня я томлюсь в этой конуре, мне страшно подойти к окну. Теперь, чай, нарочно ездят мимо, чтоб увидеть меня в окне. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичок, Кучуминька, миленький! Выручи меня из заключения! Переехали бы мы с татап на старую квартиру и зажили лучше прежнего. Развlechь себя хоть музыкой! Звуки вальса имеют много утешения. Что ни говори, а Страус и Гунгль лучшие знатоки женского сердца. (*Пробует фортепиано.*) Экая дрянь! Это он нарочно завел, чтоб меня унижить. Погоди же, мой друг, я тебя утешу. (*Прислушивается, слышит стук экипажа.*) Посмотрела бы, да стыдно светской даме подойти к косячку окна! Не Кучумов ли? Он всегда в два часа бывает. Он, он! Идет на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будет?

За сценой голос Кучумова: «Дома барыня?» Голос Василия: «Пожалуйте! У себя-с!» Кучумов входит.

Явление третье

Лидия и Кучумов.

Лидия. Наконец-то, а еще папаша.

Кучумов (*целуя руки Лидии, грозно оглядывает комнату*). Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка. Это постоянный двор какой-то. Но я вас спрашиваю, что все это значит? Мой ангел, не сердитесь на меня, что я так грубо вас спрашиваю! В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. Как это случилось? Чем вы себя довели до такого унижения? Вы срамите фамилию Чебоксаровых!

Лидия. Вы меня не упрекайте, а лучше пожалейте!

Кучумов. Нельзя вас жалеть, милостивая государыня. Вы позорите свой род. Что бы сказал ваш бедный отец, если бы узнал ваше унижение!

Лидия. Что же мне делать?

Кучумов. Бежать, сударыня, бежать без оглядки.

Лидия. Куда? У татап ничего нет. Он за нас все долги заплатил.

Кучумов. Его прямая обязанность. За обладание таким сокровищем, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, он обязан исполнять все ваши желания.

Лидия. Видно, он не считает за большое счастье обладать мною.

Кучумов. А не считает, тем лучше. Вы должны знать цену себе. Переезжайте с татап на старую квартиру, в этом нет ничего дурного; а жить в курятнике позорно.

Лидия. Но, папаша, чем же нам жить! У татап нет ничего, у меня тоже. На кредит нельзя рассчитывать.

Кучумов. Кредит? Да на что вам кредит? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Вам стыдно было попросить у меня денег, а не стыдно фее жить в таком шалаше! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вам стоит сделать только один жест, и этот шалаш превратится во дворец.

Лидия. Какой жест, папаша?

Кучумов. Вы и как фея, и как женщина должны это знать лучше, чем мы, мужчины. У фей и женщин в запасе много жестов.

Лидия (*бросаясь ему на шею*). Такой жест, папаша?

Кучумов. Так, так, так... (*Зажмурив глаза, опускается на стул.*) С тебя будет пока сорока тысяч на первый раз?

Лидия. Я не знаю, папаша.

Кучумов. Теперь вам много не нужно, вы переедете на старую квартиру, она отделана превосходно и еще не занята. Гардероб у тебя восхитительный! На первое время вам сорока тысяч слишком довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу их из кареты, нарочно проиграю в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидия. Ну, так давай, папаша!

Кучумов (*берется за карман*). Ах, Боже мой! Это только со мной одним случается. Нарочно положил на столе бумажник и позабыл. Дитя, прости меня! (*Целует у нее руку.*) Я тебе привезу их завтра на новоселье. Я надеюсь, что вы нынче же переедете. Закажу у Эйнем пирог, куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотом для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки полуимперялов с сотню наберу у себя.

Лидия. Мерсі, мерсі, папаша. (*Гладит его по голове.*)

Кучумов. Блаженство! Блаженство! Что такое деньги! Имей я хоть миллионы, но если не вижу таких глаз, таких ласк, я нищий.

Входит Надежда Антоновна.

Явление четвертое

Лидия, Кучумов и Надежда Антоновна.

Лидия. Мамап, Григорий Борисыч советует нам переезжать на старую квартиру.

Кучумов. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна. Ах, Григорий Борисыч, не говорите! Что я терплю! Как я страдаю! Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. Я бы уехала с Лидией к мужу, но он пишет, чтоб мы не ездили. О ваших деньгах ничего не упоминает.

Кучумов. Не дошли. (*Считает по пальцам.*) Вторник, среда, четверг, пятница... Он их получил вчера вечером или сегодня утром.

Лидия. Мамап, нам бы переехать сейчас же.

Надежда Антоновна. Ах, Лидия, нужно подумать. Мне все кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат.

Лидия. Богат он, беден ли, но он нас унизил, и между нами все кончено. Григорий Борисыч сделал для нас много и не желает, чтоб я жила с мужем. Наша жизнь будет вполне обеспечена, папашка мне обещал.

Надежда Антоновна. Папашка! Где ты научилась? Ах, Лидия, как ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидия. Скажите! Стыдно? Я теперь решила называть стыдом только бедность, все остальное для меня не стыдно. Мамап, мы с вами женщины, у нас нет средств жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, как же вы можете требовать от меня стыда! Нет, уж вам поневоле придется смотреть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без денег.

Кучумов. Benissimo ⁷. Я никак не мог ожидать, чтобы в такой молодой женщине было столько житейской мудрости.

Лидия. Мамап, папашка обещает нам на новоселье сорок тысяч.

Надежда Антоновна (*с радостью*). Неужели? (*Кучумову*). Вы очень добрый человек. Однако ж все-таки подумать надо.

Лидия. О чем думать! Здесь унижение, там – счастье.

Надежда Антоновна. Пойдемте в мою комнату, обсудимте вопрос со всех сторон. Главное, чтоб приличие было сохранено.

Лидия (*матери*). В этом положитесь на меня.

Кучумов. Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем втихомолку, много не болтаю.

За сценой голос Василия: «Не приказано принимать». Голос Глумова: «Что ты врешь!» Кучумов, Лидия, Надежда Антоновна уходят. Шляпа Кучумова остается на столе. Входят Глумов и Василий.

⁷ Отлично.

Явление пятое

Глумов и Василий.

Глумов. Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! Невозможно!

Василий. Совсем я не болван; на болванах чепчики шьют. А что не велено пущать, опять же не моя вина.

Глумов. Кто же не велел пущать, барин или барыня?

Василий. Да нешто для вас не все равно! Кто бы ни приказал, а, значит, пущать не буду. А коли хотите знать, так вот вам раз: и барин не велел, и барыня, и ни за что к вам не выдут.

Глумов. Ты глуп безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему меня не велено принимать. Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг, хоть краем своего ослиного уха? Так поведай, рубль серебром деньга не малая.

Василий. Покорно благодарю. Пожалуйста. *(Берет рубль и прячет в карман.)* А что я вам проповедаю? Известно, дела, обстоятельства. Вы придете, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все расчет. А дела наши, барин говорит, по видимости, подходят тонкие. А вы рассудите сами! Пожалуй, корми дармоедов-то, пользы от них никакой, а все из кармана. Вот кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у нас знакомство!..

Глумов. Ну, довольно! Дай клочок бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василий. Да вот бумага-то на столе! Только вы от хорошей зря не рвите! А я, что ж, я уйду. *(Уходит.)*

Глумов *(берет бумагу и перо).* Что бы такое ему написать? *(Замечает шляпу.)* Чья это шляпа? *(Берет ее в руки.)* Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значит, князинька здесь. Вот и прекрасно. Васильков теперь уж получил письмо. Телятев тоже; съедутся все вместе. Вот будет сцена! Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. *(Пишет и читает.)* «Любезнейший друг, я заходил к тебе посоветоваться по одному делу. Жаль, что не застал. Завтра зайду пораньше. Твой Глумов». Написано крупно, положу посередине стола, чтоб он увидел сразу.

Голос Телятева: «Ну, а я все-таки войду». Входят Телятев и Василий.

Явление шестое

Глумов, Телятев и Василий.

Телятев (*Глумову*). Ты был у Лидии Юрьевны?

Глумов. Нет, зачем мне она? Я заходил к Савве, да не застал, записку ему оставил. Прощай! Если ты хочешь Василькова видеть, так ступай на биржу, он там целый день проводит.

Телятев. Тем лучше.

Глумов. Он, кажется, новую отрасль промышленности занялся, шелком маклерует.

Телятев. Отличное занятие.

Глумов. В хороший день рублей пять выторгует.

Василий. Вот уж это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумов. Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! Подумаешь, у него горы золотые, – так развернется. А глядишь, покутит недель шесть, либо в солдаты продается, либо его домой по этапу вышлют, а то приедет отец, да как в трактире за волосы ухватит, так и везет его до самого дому верст четыреста. (*Глядит на часы.*) Однако мне пора. Как я заболтался. (*Быстро уходит.*)

Телятев (*садится к столу, держа свою шляпу в левой руке*). Ну как же, Василий Иванович, принимать не велели?

Василий. Да так же, сударь.

Телятев. Да вы это, Василий Иванович, по глупости, может быть?

Василий. Нет, истинно, истинно. Что вы? Смею ли я!

Телятев. И вам, Василий Иванович, меня не жаль?

Василий. Как не жаль, сударь! Известно, вы не как другие.

Телятев. Лучше?

Василий. Не в пример.

Телятев. Садитесь, Василий Иванович!

Василий Иванович садится и опирается руками в колена.

Давайте с вами разговаривать.

Василий. Вы думаете, не могу?

Телятев. Ничего я не думаю. Вы, я слышал, были в Лондоне, а в Марокко не были?

Василий. Этаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?

Телятев. Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко.

Василий. Ну и пушай они дохнут с голоду ли, с жару ли, а нам пуше всего уповать нужно.

Телятев. На что же уповать, Василий Иванович?

Василий. Чтоб как все к лучшему. По нашему теперь тоже делу босоты и наготы навидались. Конечно, порядок такой, искони бе; а Бог невидимо посылает.

Телятев. Василий Иванович, в философии далеко уходить не годится.

Василий. Я и про что другое могу.

Телятев. Прощайте, Василий Иванович. (*В рассеянии берет со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочет надеть обе*). Это как же, Василий Иванович?

Василий. Грех, сударь, бывает со всяким.

Телятев. Какой же тут грех-то, Василий Иванович?

Василий. Бывает, что и уносят.

Телятев. Вы, Василий Иваныч, заврались!

Василий. А вот что, сударь; померяйте обе, которая впору, та и ваша.

Телятев. Вот, Василий Иваныч, умные речи приятно и слушать. (*Примеривает сначала свою.*) Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значит, он здесь?

Василий (*таинственно*). Здесь-с.

Телятев. Где же он?

Василий молча и величественно указывает на дверь во внутренние комнаты.

Отчего же его принимают, а меня нельзя?

Василий. Потому сродственник.

Телятев. Такой же сродственник, как и вы, Василий Иваныч. Уж вы меня извините, я останусь, а вы подите в переднюю.

Василий. Оно точно, что в это время барин никогда дома не бывает, а если в другой раз...

Телятев. Ну, довольно, Василий Иваныч! Учтивость за учтивость, а то я скажу вам: «Пошел вон!»

Василий. Можно, для вас все, сударь, можно. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Телятев один.

Телятев (*вынимает из кармана письмо и читает*):

Не будь, Телятев, легковверен,
Бывают в мире чудеса;
Князек надуть тебя намерен
У Васильковой в два часа.

И все так точно и надул. Он сродственник, а меня и принимать не приказано. Что же мне делать? Уступить даром как-то неловко, что-то за сердце скребет. Подожду их, посмотрю, как она его будет провожать. Вот удивятся, вот рты-то разинут, как я встану перед ними, как *statua gentilissima!*⁸ А статуя Командора, – мне один немец божился до того, что заплакал, – представляет совесть. Ужасно будет их положение. А не лучше ли явиться к ним самому, оно, конечно, не совсем учтиво... Где они скрываются? (*Подходит к двери и прислушивается.*) Никого нет. Проникну далее. (*Отворяет осторожно дверь, уходит и так же осторожно затворяет.*)

Входят Васильков и Василий.

⁸ благороднейшая статуя.

Явление восьмое

Васильков и Василий.

Васильков (*быстро*). Был без меня кто-нибудь?

Василий. Господин Глумов. Вот и записку оставили.

Васильков (*строго*). А еще кто?

Василий. Господин Кучумов... а...

Васильков. Ну, хорошо, ступай!

Василий уходит.

Кучумов так стар, что и подозревать нельзя; моя жена женщина со вкусом. (*Останавливается перед столом в задумчивости и видит записку Глумова. Вынимает из кармана письмо и сличает с запиской Глумова.*) Ничего не похоже, а я думал, что он. (*Читает письмо.*)

Из дома муж уходит смело
С утра на биржу делать дело
И верит, что жена от скуки
Сидит и ждет, сложивши руки.
Несчастный муж!
Для мужа друг велико дело,
Когда жена сидит без дела.
Муж занят, а жена от скуки,
Глядишь, и бьет на обе руки.
Несчастный муж!

«Будь дома в два часа непременно, и ты поймешь смысл этих слов». (*Короткое молчание.*) Что это, шутка или несчастье? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. Если это несчастье, то зачем же оно приходит так рано и неожиданно. Если б я знал свою жену, я бы не колебался. Как любит, как чувствует простая девушка или женщина, я знаю; а как чувствует светская дама, я не знаю. Я души ее не вижу; я ей чужой, и она мне чужая. Ей не нужно сердца, а нужны речи. А у меня речей нет. О, проклятые речи! Как легко мы перенимаем чужие речи и как туго перенимаем чужой ум. Теперь говорят, как в английском парламенте, а думают все еще как при Аскольде. А делают... Да что здесь делают? Ничего не делают. Но что же, однако, значит это письмо? Пойду покажу его Лидии. Но если, если... Боже! Что мне делать тогда, что мне делать? Как повести себя? Нет, нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть! Что подскажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю. (*Открывает ящик с пистолетами, осматривает их, опять кладет на место; ящик остается открытым. Идет к двери; навстречу ему тихо, пятась задом, показывается Телятев.*)

Явление девятое

Васильков и Телятев.

Васильков. Телятев, так друзья не делают.

Телятев. А, здравствуй! (*Тихо.*) Постой, погоди, они сейчас выдут.

Васильков. Отвечай мне на мои вопросы, или я тебя убью на месте.

Телятев. Потихе ты, я говорю тебе! (*Прислушивается.*) Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильков. Ты к моей жене приехал?

Телятев. Да.

Васильков. Зачем?

Телятев. Приятно провести время, полюбезничать. Какие ты странные вопросы делаешь!

Васильков. Отчего же ты к моей жене едешь, а не к другой?

Телятев. Оттого, что у меня вкус хорош.

Васильков. Мы будем стреляться.

Телятев. Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильков. Чьи бы голоса ни были, они мне не помешают.

Телятев. Ты с ума сошел, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильков. Нет, Телятев. Я человек смирный, добрый; но бывают в жизни минуты... Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди... Видишь, я плачу... Вот пистолеты! Выбирай любой.

Телятев. Коли ты подарить хочешь, так давай оба, к чему их рознить; а коли стреляться, так куда торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший. После сытного обеда мне всегда тяжело жить на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

Васильков. Нет, нет, сейчас, здесь, на этом месте, без свидетелей.

Телятев. Ну, уж ведь я тоже с характером, я здесь не буду, говорю тебе наотрез. Что за место? Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мне, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?

Васильков. Средств нет жить лучше.

Телятев. Так возьми у меня. (*Внимает бумажник.*) Сколько тебе нужно? Да, пожалуй, бери все, я в Москве и без денег проживу.

Васильков. Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? (*Берет пистолет.*)

Телятев. Послушай, любезный друг! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чем ты думаешь и чем ты стоишь.

Васильков. Извини! Я человек помешанный.

Телятев. Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет – занимай у первого встречного.

Васильков. Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тут?

Телятев. Сочтешь после. Тысяч около пяти.

Васильков. Надо счесть теперь и дать тебе расписку.

Телятев. Уж от этого, сделай милость, уволь. С меня берут расписки, а я ни с кого; хоть бы я и взял, я ее непременно потеряю.

Васильков. Спасибо. Я тебе заплачу хорошие проценты.

Телятев. Шампанским, других процентов не беру.

Васильков. А все-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы с тобой стреляться будем.

Телятев. Не стоит, поверь мне, не стоит. Если она честная женщина, из моего ухаживания ничего не выдет, а мне все-таки развлечение; если она дурная женщина, не стоит за нее стреляться.

Васильков. Что же мне тогда делать в этом последнем случае? *(С отчаянием.)* Что мне делать?

Телятев. Бросить ее, и все тут.

Васильков. Я был так счастлив, она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для несчастного тюленя, ласки такой красавицы – ведь рай! И вдруг она изменяет. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мне жизнь не мила; она меня обманывает.

Телятев. Так ты ее убей, а меня-то за что же?

Васильков. За то, что вы ее развратили. Она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять все – и честь, и совесть, и всякий стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, бери пистолет, а то я тебя убью стулом.

Телятев. Ну, черт с тобой! Ты мне надоел. Давай стреляться! *(Проходит к пистолетам и прислушивается у двери.)* Вот что: перед смертью попробуем спрятаться за печку!

Васильков. Нет, нет, стреляться!

Телятев *(берет его за плечо).* Тише ты, тише, ради Бога! *(Насильно уводит его за печку к выходной двери.)*

Входят Кучумов и Лидия.

Явление десятое

Васильков, Телятев, Кучумов и Лидия.

Кучумов (*поет*). In mia mano al fin tu sei! ⁹

Лидия. Прощай, папашка!

Кучумов (*поет*). Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio, mia carina! ¹⁰

Лидия. Изволь, папашка! (*Целует его.*)

Телятев и Васильков выходят из-за печки.

Лидия. Ай! (*Отходит в сторону.*)

Кучумов (*грозя пальцем*). Но, но, но, господа! Я по правам старой дружбы. Nonni soit, qui mal y pense! ¹¹

Васильков (*указывает на двери*). Вон! Завтра я пришлю к вам секунданта.

Кучумов. Ни, ни, ни, молодой человек! Я с вами драться не стану; моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить ее против вашей, может быть, совсем бесполезной.

Васильков. Так я убью вас. (*Идет к столу.*)

Кучумов. Но! Молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят! (*Быстро уходит.*)

Входит Надежда Антоновна.

⁹ Ты, наконец, в моих руках.

¹⁰ Прощай, моя дорогая!

¹¹ Да будет стыдно тому, кто плохо об этом думает.

Явление одиннадцатое

Васильков, Телятев, Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Что за шум у вас!

Васильков. Возьмите от меня вашу дочь! Мы с вами в расчете. Я возвращаю ее вам такую же безнравственную, как и взял от вас; она жаловалась, что переменяла свою громкую фамилию на мою почти мещанскую; зато я теперь вправе жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любит меня; я, проживя с ней только неделю, презираю ее. Она шла за меня ни с чем, – я заплатил за ее приданое и за ее наряды; это пусть она зачтет за то, что я неделю пользовался ее ласками, хотя и не один.

Лидия. Ха, ха, ха! Какая трагедия!

Надежда Антоновна. Что вы! Что вы! У вас какое-то недоразумение. Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильков (*Телятеву*). Друг мой, не оставляй меня; мне нужно сделать некоторые распоряжения. Вот твои деньги, возьми их! Я хотел за твою доброту заработать тебе огромные проценты. Возьми их!

Отдает деньги Телятеву, тот кладет их небрежно в карман. Лидия пристально смотрит на деньги.

Нужно сделать некоторые распоряжения, написать к матушке... Я застрелюсь. (*Опускает голову на грудь.*)

Телятев. Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомого две жены бежали, что ж, ему два раза надо было застрелиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человек благоразумный, я тебе много могу дать хороших советов. Во-первых, ты не вздумай стреляться в комнате, – это не принято: стреляются в Петровском парке; во-вторых, мы с тобой сначала пообедаем хорошенько, а там видно будет.

Васильков (*Надежде Антоновне*). Берите скорее вашу дочь от меня. Берите ее скорей!

Лидия. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня хотели переехать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся из ее зеркальных окон даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем ее. Вы играли комедию, и мы играли комедию. У нас больше денег, чем у вас; но мы женщины, а женщины платить не любят. Я притворялась, что люблю вас, притворялась с отвращением; но мне нужно было, чтоб вы заплатили наши долги. Я в этом успела, с меня довольно. Оценили ли вы мою способность притворяться? С такой способностью женщина не погибнет. Застрелитесь, пожалуйста, поскорей! Телятев, не отговаривайте его. Вы мне развяжете руки, и уж в другой раз я не ошибусь в выборе или мужа, или... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желание – не видеть вас более никогда. (*Матери.*) Вы послали за экипажем?

Надежда Антоновна. Посылала, он готов. (*Уходит, за ней Лидия.*)

Васильков. Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятев. Ну, где же кончено? Мало ли еще осталось в жизни?

Васильков. Нет, уж все. Если бы я сам был злой человек, как она, я бы теперь грыз себе руки, колотился головой об стену; если б я сам ее обманывал, я бы ее простил. Но я человек добрый, я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смеяться: над лицом моим, над моей фамилией, но над добротой!.. Над тем, что я любил ее, что после каждой ласки ее я по часу сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг, во мне оскорблено не самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. (*Плачет.*)

Телятев. Послушай! Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь; хороша будет у меня физиономия! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на несколько часов! Мы с тобой пообедаем; чем я тебя буду кормить, поить – это мое дело.

Васильков (*берет пистолет и кладет в карман*). Друг мой, что это? (*Подбегает к окну.*) Карета! Они уезжают! (*Совершенно убитый.*) Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. (*Уходит.*)

Действие пятое

Лица:

Чебоксарова.

Лидия.

Васильков.

Кучумов.

Телятев.

Глумов.

Андрей.

Горничная.

Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно.

Явление первое

Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. Чебоксарова входит.

Надежда Антоновна. Что, не был?

Лидия. Нет еще.

Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову. Что нам делать! Кучумов неделю тому назад, вместо того что обещал привезти на новоселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает Бог знает какое одолжение. У нас опять накопилась пропасть долгов. Не забудь, вся мебель новая, та продана твоим злодеем.

Лидия. Он обещал непременно привезти сегодня. Ему не верить стыдно, когда он сделал такое одолжение отцу.

Надежда Антоновна. Да сделал ли, я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких денег не получал, что имение его продано, а сам он теперь живет у своего приятеля. Он мне пишет, что после продажи, за удовлетворением долга, ему остается очень незначительная сумма и что на нее он хочет с каким-то татаринном или башкиром завести кумыс.

Лидия. Теперь я понимаю. Знаете, кто купил имение?

Надежда Антоновна. Кто?

Лидия. Кучумов. Он обещал купить и подарить его мне.

Надежда Антоновна. Едва ли. Твой отец пишет, что на торгах дал самую большую сумму какой-то Ермолаев, поверенный Василькова. Уж не он ли? *(Показывает на окно.)*

Лидия. Смешно! Где ему! Вы сами видели, что он занимал деньги у Телятева и обещал большие проценты; а большие проценты дают только в нужде. Да он и слишком глуп для такого дела. Не упоминать о нем будет гораздо покойнее.

Надежда Антоновна. Уж конечно.

Лидия. Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мне надо, чтоб всякая память о нем изгладилась из моего воображения. Я бросила бы ему все его подарки, если б они не были так драгоценны. Я их велела все переделать, чтоб они не имели прежней формы.

Надежда Антоновна. Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять в долг у одного каретника и гербы велела сделать. Лошадей будем брать извозчичьих, а своей коляски не иметь нельзя. Извозчичий экипаж всегда заметен. *(Уходит.)*

Лидия. Да, опытность – великое дело. Я все еще очень доверчива. А с доверчивостью можно сделать ошибку неисправимую.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов.

Явление второе

Лидия и Кучумов.

Кучумов (*становясь на колена и целуя руку Лидии*). Il segreto per esser felice ¹².

Лидия. Что за шалости! Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Кучумов. Какая холодность! Что за тон, дитя мое?

Лидия. Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переехать от мужа; мы должны, мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании, вы сами навязались с деньгами.

Кучумов (*садится*). Вам меня надо или убивать или прощать за мою рассеянность. Сейчас отсчитывал деньги в бумажник, чтобы взять с собой, вошла вдруг жена, я его кинул в стол и запер. Заболтался с ней, так и позабыл. Я вам привезу деньги через полчаса.

Лидия. А кто купил имение отца?

Кучумов. Разумеется, я.

Лидия. Отец пишет, что купил поверенный Василькова.

Кучумов. Иначе и быть не может, я дал доверенность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестил. Он законов не знает и передоверил от себя другому. Какое он мне уморительное письмо прислал! Я вам привезу его через десять минут. (*Встает и оглядывает комнату. Поет.*) Io son ricco! tu sei bella! ¹³ Вот это мило и это недурно. Какой у вас вкус! Тут надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропических растений. Здесь под пальмой будет место наших интимных разговоров. Я это сегодня же пришлю. (*Садится подле Лидии.*)

Лидия (*отодвигаясь*). Ну вот, когда вы привезете нам деньги, я вас опять буду звать папашей и, может быть, полюблю.

Кучумов (*поет*). Io son ricco! tu sei bella! Так как в моей честности сомнения быть не может, то любви своей вам откладывать нечего, мое блаженство.

Лидия. Вы думаете? Я сегодня в дурном расположении духа, мне не до любви. Я уж сколько времени только и слышу о богатстве; у мужа золотые прииски, у вас золотые горы, Телятев чуть не миллионщик, и Глумов, говорят, вдруг богат стал. Все мои поклонники прославляют мою красоту, все сулят меня золотом осыпать, а ни муж мой, ни мои обожатели не хотят ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки. Мне не в чем выехать; я езжу в извозничьей коляске на клячах.

Кучумов. Это ужасно! Но ведь через полчаса все будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Лидия. Я живу без мужа, вы ко мне ездите каждый день в известный час; что подумают, что будут говорить?

Кучумов. Пища для разговора дана, следовательно, разговор будет, как вы строго себя ни ведите. По-моему, уж если переносить осуждения, так лучше недаром; терпеть напраслину дело ужасное, idol mio ¹⁴. Ведь я вам говорю, через полчаса... ну... могут там встретиться обстоятельства: необходимые взносы; в конторе вдруг столько денег нет; ну через день, два... в крайнем случае, через неделю вы будете иметь все, больше чего желать невозможно.

Лидия (*встает*). Через неделю? Через десять минут чтобы все было! Слышите, что я говорю! Иначе я вас пускать не велю.

¹² Секрет быть счастливым.

¹³ Я богат! а ты прекрасна!

¹⁴ мой кумир.

Кучумов. Десять минут? Я не Меркурий, чтобы так быстро летать. Меня могут задержать дела.

Лидия. Никто вас не может задержать: деньги у вас в ящике, письмо, вероятно, в другом. До свидания.

Кучумов. Я себя оправдаю в ваших глазах; но я вам долго-долго (*грозит пальцем*) не прошу такого обращения со мной. (*Уходит.*)

Лидия. Вот когда моя самоуверенность колебаться начинает. Какой-то холод пробегает по мне. Кучумов обманывает меня или нет? (*Решительно.*) Обманывает. Он еще не исполнил ни одного своего обещания. Затем что ж у меня? Отчаяние и самоубийство или... тоже самоубийство, только медленное и мучительное...

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия (*задумчиво.*) Проси.

Андрей уходит. Входит Телятев.

Явление третье

Лидия и Телятев.

Лидия. Что вас давно не видать? Где вы пропадаете?

Телятев. У человека, которому делать нечего, всегда дел много! Что вы так серьезны? Ай, ай, ай! *(Смотрит на нее пристально.)*

Лидия. Что вы? Что с вами?

Телятев. Морщинка, вот тут, на лбу; маленькая, маленькая, но морщинка.

Лидия *(с испугом)*. Не может быть.

Телятев. Посмотрите в зеркало! Ай, ай, ай! В ваши-то лета. Стыдно!

Лидия *(перед зеркалом)*. Не говорите лучше! Надоели.

Телятев. Думать не надобно, Лидия Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже вас сохрани! У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают.

Лидия. Ах, Иван Петрович, на моем месте поседеть легко. Как мне не думать! Кто ж за меня думать будет?

Телятев. Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живете одни, в великолепной квартире, совершенно свободны, вы богаты, что я сам от вас слышал, поклонников у вас много, муж для вас не существует.

Лидия *(с радостью)*. Он застрелился?

Телятев. Нет, раздумал.

Лидия. Жаль. Можно вам поверить тайну?

Телятев. Очень можно.

Лидия. Вы умеете их беречь?

Телятев. Нет, не умею. Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. Скажите мне в одно ухо, у меня в ту же минуту вылетит в другое; а через час, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидия. Наши дела очень плохи, нам просто жить нечем.

Телятев. В редком семействе не найдется такой тайны.

Лидия. Слушайте! Вы несносны. Я переехала от мужа потому... Нет, мне стыдно.

Телятев. Ах, что вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я уж такой особенный человек, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Лидия. Ну, так и мне вас не стыдно. Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать взаймы сорок тысяч.

Телятев. Ах, он чудак! Да отчего ж не восемьдесят?

Лидия. А он может и восемьдесят?

Телятев. Еще бы! Он и двести может, то есть обещать, а заплатить где же! У него редко и десять рублей найти в кармане можно.

Лидия. Вы лжете на него. Он выкупил отцово имение, оно стоит больших денег: я сама видела, как он дал моей маме шестьсот рублей.

Телятев. Насчет имения я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсот рублей, я знаю. Он пять дней бегал по Москве, искал их, насилу ему дали на месяц и взяли вексель в две тысячи рублей. Я думал, что он ищет денег для вашего мужа, которому он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил.

Лидия *(в отчаянии)*. Вы меня убиваете!

Телятев. Чем? Он человек очень хороший. Вы не беспокойтесь. Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные

экипажи, только все это женино и все еще при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдается деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьет, человек пять так и бегают около него. А уж что достается бедным поварам!

Лидия (*бледнея*). Что мне делать? Я столько задолжала.

Телятев. Есть отчего в отчаянье прийти! Кто нынче не должен!

Лидия. Телятев! У вас огромное состояние, пожалейте меня! Не дайте мне погибнуть!

Телятев опускает голову.

Телятев, поддержите честь нашей фамилии! Я могу полюбить вас! Вы добрый, милый.

Телятев еще ниже опускает голову.

Жан, я гибну! Спасите меня! Если вы мне поможете в этой беде, я ваша. (*Кладет ему обе руки на плечи и склоняется головой.*)

Телятев. Все это очень мило с вашей стороны, и я был бы совершенно счастлив; но, Лидия Юрьевна, я сам-то теперь не свой.

Лидия (*смотрит на него во все глаза*). Как? Вы женитесь или женаты?

Телятев. Не женюсь и не женат, а должно быть, завтра свезут меня к Воскресенским воротам.

Лидия. Как к Воскресенским воротам?

Телятев. Так, привезут с квартальным и опустят.

Лидия. Не может быть! Где же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятев. Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко?

Лидия. А своих у вас нет?

Телятев. Я уж и не помню, когда они были. Я вчера узнал, что я должен тысяч до трехсот. Все, что вы у меня видели когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денег не плачено, за все это писали счета на меня, потом векселя, потом подали ко взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты напрокат и нынче же обобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет! Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате, это единственная моя собственность; предложу им по сигаре, у меня еще с десятков осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «Гуляй, Иван Петрович, по белому свету!» Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять я свободен и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать теток и бабушек и всем им я наследник. Что я гербовой бумаги извел на векселя, вы не поверите. Если ее с пуда продавать, так больше возьмешь, чем с меня.

Лидия. И вы так покойны?

Телятев. Что ж мне беспокоиться-то? Совесть моя так же чиста, как и карманы. Кредиторы мои давно получили с меня втрое, а взыскивают, только чтоб форму соблюсти.

Лидия. Где ж мне денег взять, то есть больших денег, много денег? Неужели нет ни у кого?

Телятев. Есть, как не быть!

Лидия. У кого же они?

Телятев. У деловых людей, которые их даром не бросают.

Лидия. Не бросают? Жаль!

Телятев. Еще как жаль-то! Теперь и деньги-то умней стали, все к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны.

Лидия. Какие?

Телятев. Бешеные. Вот и мне доставались всё бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом, – деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: «Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдём». И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна.

Лидия. Я в провинцию.

Телятев. Что за расчет! Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова или уж много-много средней руки помещика. Что за карьера!

Лидия. Телятев, помогите, мне нужны деньги!

Телятев. А вот, пожалуйста сюда! *(Подводит ее к окну.)* Видите?

У ворот стоит
Домик-крошечка;
Он на всех глядит
В три окошечка.

Вот где деньги.

Лидия. У мужа?

Телятев. Да, у него. Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь – так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет миллион, а через пять – пять.

Лидия. Не может быть. Я не верю вам. Подите прочь. Это он вас подослал ко мне.

Телятев. А вот послушайте. Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. Сидит, на свет не глядит, ни уха не ест, ни вина не пьет. Подходили к нему какие-то странные личности, шептались что-то, он как будто стал поживее. Потом вдруг несут ему телеграмму, прочел ее, и глаза засияли. «Нет, говорит, глупо стреляться. Покутим, говорит, нынешний день, поздравь меня». Ну, я его поздравил, поцеловались, и поехали, и поехали. Познакомил я его кое с кем из старых своих знакомых, то есть не из старых, а из прежних, а они еще молоденькие.

Лидия *(глядя в окно)*. Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это тамапа взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятев. Нет, вы ошиблись. Это коляска, которую он подарил моей знакомой, и с лошадьми, и кучера нанял такого, что в Зоологическом саду показывать можно. Вот она едет от него, блондиночка, а глаза – васильки.

Лидия. Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною? Я его ненавижу и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у нее и так невелик, а она его еще вздергивает.

Телятев. Это не ревность, а зависть.

Лидия. Он ее любит?

Телятев. Что? Коляску?

Лидия. Нет, блондинку.

Телятев. Зачем же? И любить да и деньги давать, уж слишком много расходу будет. Хотите слушать, что ваш муж мне рассказал про себя?

Лидия. Говорите!

Телятев. Учился он много, чему – уж не помню. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слышали.

Лидия. Говорите, говорите!

Телятев. Поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в бараках, да Василий Иваныч с ним. Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек.

Лидия. Ах, подите вы!

Телятев. Первый подряд удался, он взял побольше, потом еще побольше. Теперь получил какую-то телеграмму. «Ну, говорит, Вася, ближе миллиона не помирюсь». А я говорю: «И не мирись». Что ж, мне ведь все равно, убытку не будет.

Лидия. Я умираю.

Телятев. Что с вами?

Лидия (*ложится на диван*). Позовите маман! Позовите скорей!

Телятев (*в дверях*). Надежда Антоновна!

Входит Надежда Антоновна.

Явление четвертое

Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Лидия. Матап, ради Бога!

Надежда Антоновна. Что с тобой, Лидия? Что с тобой, дитя мое?

Лидия. Ради Бога, матап! Подите к моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятев. Берите моих лошадей, Надежда Антоновна, и поезжайте скорее!

Надежда Антоновна (*всматривается в дочь*). Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. (*Уходит.*)

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Лидия (*привстав*). Принимать его или нет? Еще муж придет или нет, неизвестно. Утопающий хватается за соломинку. (*Андрею.*) Проси!

Андрей уходит. Входит Глумов.

Явление пятое

Лидия, Телятев и Глумов.

Глумов. Что с вами?

Лидия. Немного нездорова. А с вами что? Я слышала, что вы разбогатели.

Глумов. Еще нет, а надеюсь. Очень выгодную должность занял.

Телятев. И совершенно по способностям.

Глумов. Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтоб управляющего, а как бы это назвать...

Лидия. Un secrétaire intime? ¹⁵

Глумов. Oui, madame! ¹⁶ Ей нужно было честного человека, которому бы она могла доверить...

Телятев. И себя, и свое состояние?

Глумов. Почти так. У ней дома, имения, куча дел: где же ей управляться! С наследниками она в ссоре. Я стараюсь все обратить в капитал, на что имею полную доверенность, и пользуюсь значительными процентами за комиссию.

Телятев. Благородная, доверчивая женщина. Признайся, Глумов, ведь немного найдешь таких?

Глумов. Да, должно быть, одна только осталась; я наперечет всех знаю.

Телятев. Мы сейчас только говорили о бешеных деньгах, что они перевелись, а ты счастливей нас, ты их нашел.

Глумов. Зато как долго и прилежно я искал их.

Лидия. Значит, у вас теперь денег много?

Глумов. «Много» – ведь это понятие относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидия. Дайте мне займы тысяч двадцать.

Глумов. Молоденьким, хорошеньким женщинам займы денег не дают, потому что неделikatно им напоминать, когда они забудут о долге, а взыскивать еще неделikatнее. Им или учтиво отказывают, или дарят.

Лидия. Ну, как хотите, только дайте.

Глумов. Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мне никогда вашей руки не целовать? Я злопамятен.

Лидия. Целуйте.

Глумов. Теперь уж поздно, или, лучше сказать, рано. Подождите меня год, я приеду целовать ваши ручки. Я завтра отправляюсь со своей доверительницей в Париж; она не знает счета ни на рубли, ни на франки, я буду ее кассиром. Она страдает одышкой и общим ожирением; ей и здесь-то доктора больше года жизни не дают, а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрет скорее. Вы видите, что мне некогда, год я должен сердобольно ухаживать за больной, а потом могу пожинать плоды трудов своих, могу и прожить довольно много, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Лидия. Вы злой, злой человек!

Глумов. Прежде вам эта черта во мне нравилась; мы с этой стороны похожи друг на друга.

Лидия. Да, пока вы не переходили границ, а теперь прощайте.

¹⁵ Личный секретарь.

¹⁶ Да, сударыня!

Глумов. Прощайте! Я уезжаю с сладкою надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что вы меня оцените и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Лидия. Довольно, довольно!

Глумов. До свиданья.

Телятев. Прощай, Глумов. Счастливого пути! Вспомни обо мне в Париже: там на каждом перекрестке еще блуждает моя тень.

Глумов. Прощай, Телятев. (*Уходит.*)

Входит Надежда Антоновна с склянками, за ней горничная с подушками, кладет их на диван и уходит.

Явление шестое

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Тебе надо лечь, Лидия, непременно. Напрасно ты себя, мой друг, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я так и мужу сказала. Он сейчас придет. Вот твой спирт и капли, которые тебе всегда помогали.

Лидия (*ложится на подушки*). Как он вас принял?

Надежда Антоновна. Очень вежливо, хотя довольно холодно. Он спросил, серьезно ли ты больна; я отвечала, что очень. Что вы, Иван Петрович, смеетесь?

Телятев. Мне равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смеяться.

Надежда Антоновна. Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии; она такая нервная, такая нервная... Это у нее с детства.

Телятев. Извините, я действительно не знаю сложения Лидии Юрьевны, это для меня тайна.

Лидия. Иван Петрович, вы такой болтун, вы меня рассмешите.

Надежда Антоновна. Да вы, пожалуй, в самом деле рассмешите, а он войдет.

Телятев. Скрыться прикажете?

Лидия (*томно*). Нет, останьтесь! Мне так приятно видеть вас, вы мне даете силу.

Телятев. Если вам приятно, то я не только не уйду, а, как привинченный, буду стоять против вас. Смотрите на меня, сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии быть лицом без речей.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Васильков.

Лидия (*слабым голосом*). Проси!

Андрей уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит Васильков.

Явление седьмое

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна и Васильков.

Васильков (*сделав общий поклон*). Вы меня звали?

Лидия. Я умираю.

Васильков. В таком случае нужен или доктор, или священник; я ни то, ни другое.

Лидия. Вы нас покинули.

Васильков. Не я, а вы меня, и не простившись даже как следует.

Лидия. Так надо проститься?

Васильков. Если вам угодно.

Лидия. По-русски проститься – значит попросить прощенья.

Васильков. Просите.

Лидия. Я виновата только в том, что оставила вас, не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты.

Васильков. Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. О чем же больше говорить! Прощайте!

Лидия. Ах, нет, постойте!

Васильков. Что вам угодно?

Лидия. Вы за свою вину ничем не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругом в долгу, меня посадят вместе с мещанками в Московскую яму.

Васильков. А! Вы вот чего боитесь? Вот какое бесчестье вам страшно? Не бойтесь! В яму попадают и честные люди, из ямы есть выход. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратом, в которой гибнет и имя, и честь, и благообразие женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу?

Лидия. Кто вам позволил говорить здесь такие слова?

Васильков. А кто позволяет зрячему вывести на дорогу слепого, кто позволяет умному остеречь неразумного, кто позволяет ученому учить неученого?

Лидия. Вы не имеете права учить меня.

Васильков. Нет, имею. Это право – сострадание.

Лидия. Вам ли говорить о сострадании! Вы видите жену в таком положении и не хотите заплатить за нее ничтожного долга.

Васильков. Я даром денег не бросаю. Ни Боже мой!

Надежда Антоновна. Я не понимаю вашей философии. Все это для меня какая-то новость, принесенная с луны. Разве платить за жену – значит бросать даром?

Васильков. Какая же она мне жена! Да она ж сама сказала, что у нее денег больше, чем у меня.

Надежда Антоновна. «Сказала». Мало ли что может сказать женщина в раздражении! Как бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалеть жену больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всякая ссора так дорого обходится. Горячая женщина скоро сделает глупость, скоро и одумается.

Васильков. Да она же не говорит, что одумалась.

Лидия. Я одумалась и раскаиваюсь в своем поступке.

Васильков. Не поздно ли?

Надежда Антоновна. Ах, нет! Она может увлечься, но до падения себя не допустит.

Васильков. Я знаю, что не допустила: ваша прислуга гораздо больше получала от меня, чем от вас. Но я не знаю, что спасло ее от падения – честь, или недостаток денег у Кучумова. (*Лидии.*) Чего же вам угодно?

Лидия. Я бы хотела жить опять вместе с вами.

Васильков. Невозможно. Вы так быстро меняете свои решения, что, пожалуй, завтра же захотите уехать от меня. Для меня одного позора довольно, я двух не хочу.

Лидия. Но вы должны меня спасти.

Васильков. Как я вас спасу? Есть только одно средство: я вам предложу честную работу и за нее вознаграждение.

Лидия. Какую работу и какое вознаграждение?

Васильков. Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год.

Лидия (*встает с дивана*). Ступайте вон!

Васильков уходит.

Телятев (*отнимая платок от глаз*). Теперь вы выздоровели, я могу перестать плакать.

Лидия. Ах, теперь не до шуток! Бегите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало.

Телятев убегает.

Надежда Антоновна. Ах, какой он упрямый! Какой несносный! Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает.

Возвращаются Васильков и Телятев.

Лидия. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие ее обязанности?

Васильков. Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к вам. Экономка – значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унижительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство – она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде.

Лидия. Ужасно, ужасно!

Васильков. Прикажете кончить?

Лидия. Продолжайте!

Васильков. Когда вы изучите в совершенстве хозяйство, я вас возьму в свой губернский город, где вы должны ослепить губернских дам своим туалетом и манерами. Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. Мне тоже, по моим обширным делам, нужна такая жена. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, Патти послушаем, тысячу рублей за ложу не пожалею. У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужна такая жена, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно. У вас все есть для этого, только вам надо будет отучиться от некоторых манер, которые вы переняли от Телятева и прочих.

Телятев. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая перспектива от деревенского подвала до петербургского салона.

Васильков (*глядя на часы*). Согласны вы на мое предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Лидия. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

Васильков. Никакой! Мне ли жалеть вашу гордость, когда вы не жалели моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вам звание экономки, любя вас.

Лидия. Ну, хоть слово измените, оно жестоко для моего нежного уха.

Васильков. Нет, это слово хорошее.

Лидия. Я должна подумать.

Васильков. Думайте.

Телятев. Ах, кабы меня кто взял в экономки!

Входит Андрей.

Андрей. Следственный пристав желает описать имущество.

Лидия и Надежда Антоновна. Ах, ах! Ай, ай! (*Лидия прячется в подушки.*)

Телятев. Что вы испугались? Утешьтесь! Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие.

Лидия (*мужу*). Спасите меня от стыда! Я на все согласна! Что делать? Я хотела блистать неугасающей звездой, а вы хотите сделать меня метеором, который блеснит на минуту и погаснет в болоте. Но я согласна, согласна. Умоляю вас, спасите меня.

Васильков уходит с Андреем. Андрей возвращается.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Я думаю принять его.

Телятев. Примите.

Лидия (*Андрею*). Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов, потом Васильков.

Явление восьмое

Лидия, Надежда Антоновна, Телятев, Кучумов, потом Васильков.

Кучумов (*напевая*). Io son ricco... Что с вами?

Лидия. У меня описывают имущество, привезли вы сорок тысяч?

Кучумов. Io son ricco... Нет, вы представьте себе, какое со мной несчастье.

Входит Васильков и останавливается у двери.

Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Телятев. Очень жаль мне твоего человека! С тем, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доедешь.

Кучумов. Не шути, я не люблю. Я разослал телеграммы по всем трактам; вероятно, его скоро схватят, отберут деньги, и тогда я вам, дитя мое, доставлю их.

Телятев. Не все же он украл, ведь осталось же что-нибудь.

Кучумов. Как не остаться! Я без тысячи рублей из дому не выезжаю.

Васильков. Так отдайте мне шестьсот рублей, которые должны по картам.

Кучумов. А! Вы здесь! И очень хорошо. Я давно хотел с вами расчесться. Карточный долг для меня первое дело. (*Внимает бумажник.*) Что за вздор такой? Вероятно, я как-нибудь обложился, положил в левый карман. Ах, да я не тот сюртук надел. Впрочем, вы можете получить эти деньги с Надежды Антоновны.

Васильков. Хорошо, я получу. Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. Вам нужно ехать в деревню.

Лидия. Когда хотите.

Васильков. Я еду завтра, будьте готовы!

Лидия (*подает мужу руку*). Благодарю вас, что на целый день вы даете волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится с своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми.

Телятев. Каково это слушать нам, бездельникам!

Кучумов (*поет*). Io son ricco...

Телятев. Неправда. Noi siamo poveri ¹⁷.

Лидия. Вот другая жертва, которую я приношу вам.

Васильков. Жертв не надо.

Лидия. Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложение, потому что нахожу его выгодным.

Васильков. Но знайте, что я из бюджета не выйду.

Лидия. Ох, уж мне этот бюджет!

Васильков. Только бешеные деньги не знают бюджета.

Телятев. Ты говоришь святую истину; скажу более, что ты повторяешь мои слова.

¹⁷ Мы бедны.

Васильков (*Телятеву*). Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Телятев. Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет. Вот портные – от тех уважения мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить с таким достоинством, что издали дают тебе дорогу. Прощай, друг Савва. Не жалея нас. И в рубище почтенна добродетель. (*Обнимаются с Кучумовым.*)

Лидия робко подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и склоняется головой.

Картина.